

КОРНЕЛИЯ ФУНКЕ

ЧЕРНАЯ СЕРДЦЕ

КАЖДАЯ ПРИДУМАННАЯ ИСТОРИЯ МОЖЕТ СТАТЬ РЕАЛЬНОСТЬЮ...

Чернильный мир и Зазеркалье

Корнелия Функе

Чернильное сердце

«Азбука-Аттикус»

2003

Функе К.

Чернильное сердце / К. Функе — «Азбука-Аттикус»,
2003 — (Чернильный мир и Зазеркалье)

«Чернильное сердце» – первая часть трилогии знаменитой немецкой писательницы. В центре повествования – отважная двенадцатилетняя девочка Мегги и ее отец, обладающий чудесным даром: когда он читает книгу вслух, ее герои оживают. Правда, взамен кто-то из слушателей оказывается в придуманном писателем мире, а как известно, в книгах бывают не только добрые персонажи... Книга адресована детям среднего школьного возраста, но и взрослые прочтут ее с большим интересом.

© Функе К., 2003

© Азбука-Аттикус, 2003

Содержание

Ночной незнакомец	7
Тайны	13
На юг	18
Дом полон книг	23
Просто картинка	30
Огонь и звезды	37
Что скрывает ночь	43
Одна	44
Коварный подлог	46
Логово льва	52
Трус	55
И все дальше на юг	57
Деревня Каприкорна	61
Выполненное задание	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

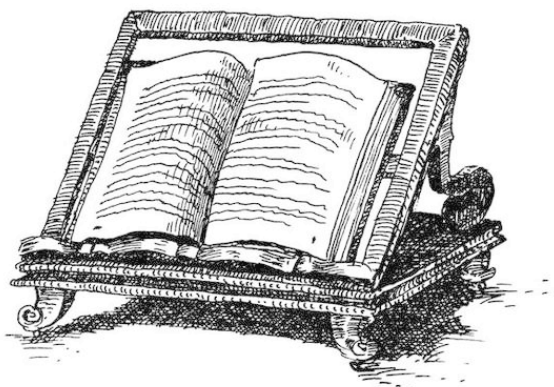
Корнелия Функе Чернильное сердце

© Cornelia Funke 2003

Illustrations © Cornelia Funke 2003

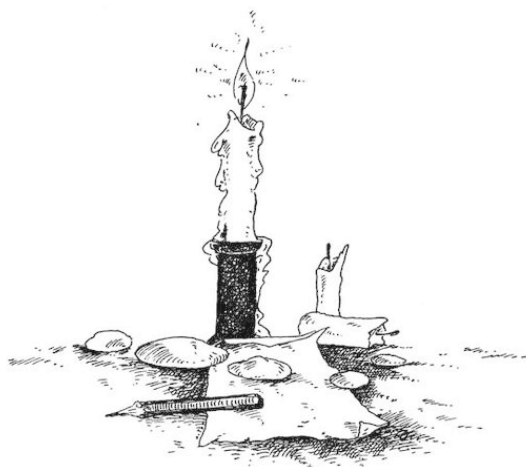
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014
Machaon®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Анне, которая отложила
в сторону даже «Властелина Колец»,
чтобы прочитать эту книгу
(можно ли требовать от дочери большего?)

И Элинон, чье имя я позаимствовала,
хотя оно и не предназначалось
для королевы Эльбы

Вот оно, вот.
Вот оно, слово, сошло,
сошло сквозь ночь,
сиять, сиять оно хочет.

Пепел.
Пепел, пепел.
Ночь.

*Пауль Целан. Узким путем
(Перевод О. Бараи)*

Ночной незнакомец

Лунный свет отражался в глазах коня-качалки и игрушечной мышки, которую Толли достал из-под подушки. Тикали часы, и ему казалось, что он слышит в тишине шлепанье маленьких босых ног, а потом хихиканье, шепот и шелест, словно кто-то перелистывал страницы большой книги.

Л. М. Бостон. Дети из Грин-Ноу

Той ночью шел дождь, мелкий, шепчущий. И спустя много лет Мегги не забыла его шепот, она слышала его, лишь стоило ей закрыть глаза, – словно крошечными пальчиками кто-то барабанил по стеклу. Где-то в темноте лаяла собака, и Мегги не могла заснуть, все время ворочаясь с боку на бок.

Под подушкой у нее лежала книга, которую она читала перед сном. Жесткий переплет упирался ей в ухо, словно заманивая ее на книжные страницы.

– Как ты можешь так спать? – спросил ее отец, впервые обнаружив у нее под подушкой книгу. – Признайся, она нашептывает тебе на ухо свои истории?

– Иногда, – ответила Мегги. – Но только дети способны их услышать.

В ответ Мо слегка ущипнул ее за нос. Мо – именно так она называла своего отца, и никак иначе.

В ту ночь, что положила начало стольким событиям и так много изменила, у Мегги под подушкой лежала одна из ее самых любимых книг. И поскольку дождь не давал ей заснуть, она села в постели, протерла сонные глаза и достала из-под подушки книгу. Едва она открыла ее, как страницы тут же заманчиво зашелестели. Мегги всегда казалось, что страницы каждой книги шуршат в первый раз по-своему, и это зависело от того, знала она, о чем будет рассказ, или нет. Теперь ей нужен был только свет. В выдвижном ящике тумбочки у нее был припрятан спичечный коробок – Мо запретил ей зажигать ночью свечи. Он не любил огня.

– Огонь пожирает книги, – не раз говорил он.

Но в конце концов, ей уже было двенадцать лет, и она хорошо знала, что надо следить за свечами. Мегги обожала читать при свечах. На подоконнике стояло шесть подсвечников. Она поднесла горящую спичку к одному из черных фитилей и вдруг услышала на улице шаги. Испугавшись, она задула спичку и – как она потом вспоминала спустя много лет, – сев на колени перед мокрым окном, посмотрела на улицу. И тут она увидела его.

На фоне светлой стены дождя незнакомец казался тенью, лишь лицо его было освещено, а мокрые волосы прилипли ко лбу. Дождь струился по нему, но он не обращал на это внимания. Он стоял неподвижно, обхватив себя руками, пытаясь хоть немного согреться. Так он и стоял, уставившись на их дом.

Нужно разбудить Мо, думала Мегги, но не могла двинуться с места. Сердце колотилось у нее в груди, и она пристально смотрела в ночь, словно оцепенение незнакомца передалось ей. Вдруг он резко повернул голову, и Мегги показалось, что он смотрит ей прямо в глаза. Она вскочила с кровати, и раскрытая книга упала на пол. Мегги выбежала босиком в темный коридор. В старом доме было холодно, хотя май уже подходил к концу.

В комнате Мо еще горел свет. Он часто не спал до глубокой ночи и читал. Именно от него Мегги унаследовала любовь к книгам. Иногда, проснувшись ночью от кошмара, она прибегала к отцу, ложилась с ним рядом и быстро засыпала под его ровное дыхание и шелест страниц. Шуршание бумаги, как ничто другое, быстро отгоняло страшные сны.

Но человек, стоявший перед домом, вовсе ей не приснился.

В ту ночь Мо читал книгу в бледно-голубом льняном переплете. Это надолго врезалось в память Мегги. Удивительно, какие мелочи хранит наша память!

– Мо, там на дворе кто-то есть!

Отец поднял голову и бросил на нее отсутствующий взгляд – так он обычно смотрел, когда она отрывала его от чтения. Каждый раз ему требовалось несколько секунд, чтобы вернуться на землю из другого мира – из лабиринта букв.

– Ты уверена?

– Да, стоит и пристально смотрит на наш дом.

Мо отложил книгу.

– Что ты читала перед сном? «Доктора Джекила и мистера Хайда»?

Мегги нахмурилась.

– Ну, пожалуйста, Мо, идем со мной!

Он не поверил ей, но пошел. Мегги с таким нетерпением тянула его за собой, что он споткнулся о стопку книг в коридоре. У них в доме книги были повсюду – не только на полках, как у всех, но и под столом, под стульями и по углам комнат. Книги лежали на кухне и в туалете, на телевизоре и в шкафу, небольшие стопки и целые горы толстых, тонких, старых, новых книг. Они встречали Мегги за завтраком, приглашая на свои увлекательные страницы, гнали прочь скуку долгих серых дней, а иногда они с отцом о них просто спотыкались.

– Он стоит там и не уходит! – шептала Мегги, ведя Мо за собой в комнату.

– Может, это оборотень?

– Перестань! – Мегги посмотрела на него строго, хотя после его шутки от страха в душе не осталось и следа. Ей даже показалось, что эта странная фигура перед окном ей померещилась, но потом она снова пристально посмотрела в темноту и прошептала: – Вон там! Видишь?

Мо смотрел в окно, пытаясь разглядеть что-нибудь в струях дождя, и молчал.

– Разве ты не уверял меня, что грабители к нам не полезут, потому что красть у нас нечего? – тихо спросила Мегги.

– Это не грабитель, – ответил Мо, отступив от окна. Его лицо было таким серьезным, что сердце у Мегги забилося еще сильнее. – Иди спать, Мегги, – сказал он. – Это пришли ко мне.

И прежде чем Мегги успела спросить, что же это, собственно, за гость, который является посреди ночи, Мо уже и след простыл. Перепуганная, она бросилась за ним следом и услышала, как звякнула дверная цепочка. Вбежав в прихожую, Мегги увидела отца, стоявшего перед открытой дверью.

Темнота и сырость ночи проникли в дом, и дождь угрожающе зашумел.

– Сажерук, – крикнул Мо в темноту, – это ты?

Сажерук? Что за странное имя? Мегги не могла припомнить, слышала ли его прежде, но оно показалось ей таким знакомым, словно было смутным воспоминанием из далекого прошлого.

За дверью царил тишина, нарушаемая лишь шепотом дождя, и казалось, что это был голос ночи. Потом раздались шаги, и из темноты возник тот самый человек, что все это время стоял на дворе. Длинное пальто, мокрое от дождя, прилипло к его ногам, и, как только он оказался на свету, Мегги почудилось, что над его плечом она увидела чью-то мохнатую мордочку, которая, сгорая от любопытства, высунулась из рюкзака и тут же нырнула назад.

Сажерук провел рукавом по мокрому лицу и протянул Мо руку.

– Как твои дела, Волшебный Язык? – спросил он. – Давно не виделись.

Мо с неохотой пожал ему руку.

– Очень давно, – сказал он, скользнув взглядом за спину гостя, как будто оттуда должен был появиться еще один ночной посетитель. – Ну, входи же скорей, а то еще сама Смерть за тобой следом нагрянет. Мегги говорит, что ты уже давно стоишь на дворе.

– Мегги? А, ну да...

Сажерук поддался на уговоры Мо и вошел в дом. Он тут же уставился на Мегги и так пристально разглядывал ее, что от смущения девочка не знала, куда деться. В конце концов она просто опустила глаза.

– Она выросла.

– Ты помнишь ее?

– Ну конечно.

Мегги слышала, как Мо дважды повернул ключ в замке.

– Сколько ей лет?

Сажерук как-то странно улыбнулся. Мегги не могла понять, улыбался ли он насмешливо, снисходительно или просто от смущения, и поэтому не улыбнулась в ответ.

– Двенадцать, – ответил Мо.

– Двенадцать? Ничего себе!

Сажерук убрал мокрые волосы со лба. Они доставали ему почти до плеч. Мегги пыталась понять, какого они цвета. Рыжеватая щетина вокруг узких губ была точь-в-точь как шерсть бездомной кошки, для которой Мегги иногда выставляла перед дверью тарелку с молоком. Редкие волоски, пробивавшиеся на его щеках, словно первая борода у подростка, не могли скрыть три длинных бледных шрама. Его лицо производило впечатление, будто его, как разбитую фарфоровую статуэтку, склеили из кусочков.

– Двенадцать лет, – повторил он. – Ну конечно, ведь тогда ей было... три, да?

Мо кивнул.

– Идем, тебе надо переодеться. – Мо спешил увести гостя, будто хотел спрятать его от Мегги. – Ну а ты, – обратился он к дочери не оборачиваясь, – иди спать. – И он закрыл за собой дверь мастерской.

Мегги осталась на том же месте и переминалась с ноги на ногу, пытаясь согреться. «Иди спать». Иногда Мо обращался с ней как с мешком картошки – просто бросал на кровать, когда было уже очень поздно. Иногда он искал ее по всему дому до тех пор, пока она не выходила из своего убежища, покатываясь со смеху. А иногда он так хотел спать, что, вместо того чтобы идти в постель, ей приходилось готовить ему кофе. Но никогда прежде он не отправлял ее спать так, как сейчас.

Предчувствие чего-то зловещего закралось ей в душу. Ей казалось, что вместе с этим незнакомцем, носившим столь странное и в то же время знакомое имя, в ее жизнь пришла беда. Она очень сожалела о том, что Мо пустил его в дом. Ей хотелось, чтобы Сажерук оставался на улице до тех пор, пока дождь не смыл бы его.

Когда дверь в мастерскую неожиданно распахнулась, Мегги вздрогнула.

– Ты все еще здесь? – спросил Мо. – Иди спать, Мегги. Ну, давай.

Мегги заметила у него на лбу морщинку, которая появлялась только тогда, когда он был чем-то по-настоящему обеспокоен. Его взгляд был направлен мимо нее, как будто мысленно он находился совсем в другом месте. От этого предчувствие беды разрасталось и уже расправляло свои черные крылья.

– Выгони его, Мо! – сказала Мегги, когда он втолкнул ее в комнату. – Ну, пожалуйста. Отправь его туда, откуда он пришел. Я боюсь его.

– Ты проснешься завтра утром, а его уже и след простыл. Даю тебе честное слово, – пообещал Мо.

– Честное слово?

Мегги пристально посмотрела ему в глаза: она всегда знала, когда Мо лгал, даже если он очень старался этого не выдать.

– Да, честное слово, – сказал он, не отводя глаз.

Он закрыл за собой дверь, хотя знал, что ей этого очень не хотелось. Мегги прислонилась ухом к замочной скважине и услышала звон посуды. «А-а, Рыжая Борода собрался пить чай, чтобы согреться. Хоть бы он получил воспаление легких», – подумала Мегги. И вовсе не обязательно он должен от этого сразу умереть, как мать ее учительницы английского языка. Мегги слышала, как на кухне засвистел чайник и как побрякивала посуда на подносе, которую Мо нес в мастерскую.

Выждав из осторожности несколько секунд, хотя это далось ей нелегко, она снова украдкой вышла в коридор.

На двери мастерской висела узкая жестяная табличка. Надпись на ней Мегги знала наизусть. В пять лет она начала упражняться в чтении, пытаясь разбирать старинные буквы:

*Есть книги, которые надо только отвесть,
есть такие, которые лучше всего проглотить,
и лишь немногие стоит разжевать и переварить.*

В то время, чтобы расшифровать табличку, ей приходилось взбираться на ящик, а слово «разжевать» она поняла в буквальном смысле, поэтому с отвращением спросила Мо, почему именно эти слова он повесил себе на дверь.

Теперь-то она знала, что имелось в виду, но ее больше не интересовало, что написано на двери. Она пыталась понять то, о чем за ней говорили: едва различимые, тихо, почти шепотом произносимые слова.

– Ты недооцениваешь его! – сказал Сажерук. Его голос был совсем не похож на голос Мо. Ни один голос на свете не звучал так, как голос ее отца. – Он сделает все, чтобы заполучить ее! – снова сказал Сажерук. – А «все» значит «все», поверь мне.

– Я ее никогда ему не отдам, – отвечал Мо.

– Но он доберется до нее так или иначе! Повторяю: они уже идут по твоим следам.

– Но это ведь уже не в первый раз. До сих пор мне удавалось прятать ее от них.

– Да? И долго, по-твоему, тебе удастся скрываться? А что будет с твоей дочерью? Ты же не собираешься мне рассказывать, как ей нравится переезжать с места на место? Поверь мне, я знаю, о чем говорю.

За дверью вдруг стало так тихо, что Мегги затаила дыхание от страха, что ее услышат.

Потом снова заговорил отец, нерешительно, словно язык не слушался его.

– И что я, по-твоему... должен делать?

– Поехали со мной. Я приведу тебя к ним! – Ложка зазвенела о фарфоровые стенки чашки. Как отчетливо слышны малейшие шорохи в полной темноте! – Ты знаешь, что Каприкорн очень высокого мнения о твоих талантах, он непременно обрадуется, если ты сам к нему придешь! Новенький, которого он взял тебе на замену, просто дилетант.

Каприкорн. Еще одно странное имя. Сажерук так произнес его, что казалось, он откусит себе язык. Мегги пошевелила окоченевшими пальцами на ногах. Холод пробрал ее до костей, и она была уже не в состоянии понять, о чем говорили за дверью, тем не менее пыталась запомнить каждое слово, которое ей удавалось разобрать.

В мастерской снова стихло.

– Я не знаю... – в конце концов сказал Мо. Его голос был таким усталым, что у Мегги сжалось сердце. – Мне надо подумать. Как ты считаешь, когда его люди будут здесь?

– Скоро!

Словно камень рухнуло в тишину слово.

– Скоро, – повторил Мо. – Ну, хорошо. Тогда я решу все до завтрашнего утра. У тебя есть ночлег?

– Да ночлег я всегда найду, – ответил Сажерук. – Я уже неплохо здесь ориентируюсь, хотя и не успеваю за всеми этими событиями. – Он засмеялся, но его смех был невеселым. – Мне бы хотелось узнать о твоём решении. Что, если я завтра снова зайду? К обеду.

– Ну конечно. Я заберу Мегги из школы в половине второго, а потом и приходи.

Мегги услышала, как кто-то задвинул стул, и помчалась в свою комнату. Когда дверь в мастерскую открылась, она едва успела шмыгнуть в постель. Натянув одеяло до подбородка, она лежала и слушала, как ее отец прощался с Сажеруком.

– Спасибо еще раз за предупреждение! – услышала она его голос.

Потом раздались удаляющиеся шаги Сажерука. Он шел медленно, запинаясь, будто ему вообще не хотелось уходить, будто он сказал еще не все, что хотел.

В конце концов он ушел, все стихло, и только дождь продолжал барабанить мокрыми пальцами по стеклу.

Когда Мо открыл дверь в ее комнату, она лежала с закрытыми глазами и дышала так медленно, словно спала глубоким младенческим сном.

Но провести Мо было не так-то просто.

– Мегги, покажи-ка мне свою ногу, – сказал он.

Она нехотя вытянула из-под одеяла ногу с окоченевшими пальцами и положила ее на теплую руку Мо.

– Я так и знал, – сказал он. – Ты шпионила за нами. Ты можешь хотя бы раз сделать то, что тебе говорят?

Глубоко вздохнув, он положил ее ногу под теплое одеяло, затем сел к ней на кровать, провел рукой по своему уставшему лицу и посмотрел в окно. Его волосы были черными как смоль. Волосы у Мегги были светлыми, как у ее матери, которую она видела только на двух блеклых фотографиях и о которой ничего не знала. «Ты должна радоваться, что похожа на нее больше, чем на меня, – любил повторять Мо. – Только представь себе мою голову на девичьей шее, как нелепо это выглядело бы!»

Но Мегги хотелось походить на него. Не было в мире другого лица, которое она любила бы сильнее.

– Я все равно не поняла, о чем вы говорили, – пробормотала она.

– Хорошо.

Мо уставился на окно, словно Сажерук все еще стоял на дворе. Потом он встал и подошел к двери.

– Постарайся еще немного поспать, – сказал он.

Но Мегги не хотела спать.

– Сажерук! Что это за имя такое? – спросила она. – И почему он называл тебя Волшебный Язык?

Мо ничего не ответил.

– А тот, что тебя разыскивает... Я слышала, как Сажерук говорил об этом... Каприкорн. Кто это?

– Никто из тех, кого тебе следовало бы знать. – Мо повернулся. – А я-то думал, ты ничего не разобрала в нашем разговоре. До завтра, Мегги.

На этот раз он оставил дверь открытой. Свет из коридора падал ей на кровать. Он пронзал темноту ночи, проникавшую в комнату через окно, и Мегги лежала и ждала, когда рассеется тьма, а вместе с ней и предчувствие беды.

Позже она узнала, что беда появилась на свет не той ночью. Задолго до нее она уже поджидала Мегги, притаившись в укромном местечке.

Тайны

– А чем же занимаются эти дети, когда рядом нет книжечек со сказками? – спросил Нафтали.

И Реб Зебулун ответил:

– Им приходится с этим смиряться. Книжки со сказками – это не хлеб. Можно и без них прожить.

– А я бы не смог, – сказал Нафтали.

И. Б. Зингер. Сказочник Нафтали и его конь Сус

Мегги проснулась с первыми лучами солнца. Над полями бледнела ночь, словно дождь выстирал кайму ее платья. Часы показывали около пяти. Она уже хотела перевернуться на другой бок и спать дальше, как вдруг почувствовала, что в комнате кто-то есть. Испугавшись, она села в постели и увидела Мо, стоявшего перед ее платяным шкафом.

– Доброе утро! – сказал он, укладывая ее любимый свитер в чемодан. – Извини, я знаю, что сейчас очень рано, но нам нужно уехать на некоторое время. Будешь какао на завтрак?

Мегги сонно кивнула. Птицы за окном щебетали так громко, будто проснулись уже несколько часов назад.

Мо положил в чемодан ее брюки и, закрыв его, понес к двери.

– Надень что-нибудь потеплей, – сказал он. – На улице прохладно.

– Куда мы едем? – спросила Мегги, но Мо в комнате уже не было.

Мегги растерянно посмотрела в окно. Она думала, что непременно увидит там Сажерука, но лишь черный дрозд прыгал там по мокрым от дождя камням. Мегги натянула штаны и побрела на кухню. В коридоре стояли два чемодана, дорожная сумка и ящик с инструментами Мо.

Ее отец сидел за столом и намазывал масло на хлеб – провиант в дорогу. Когда она вошла в кухню, он окинул ее взглядом и слегка улыбнулся, но Мегги смотрела на него так пристально, что он забеспокоился.

– Мы не можем вот так уехать, Мо! – сказала она. – Каникулы у меня начинаются только через неделю!

– Ну и что? Уже не в первый раз нам приходится уезжать из-за важного заказа, несмотря на то что тебе нужно в школу.

Он был прав. Подобное происходило очень часто: всегда, когда какому-нибудь антиквару, коллекционеру или библиотеке требовался переплетчик и Мо получал заказ отчистить ценные старинные книги от плесени и пыли или заново переплести их. Мегги считала, что название «переплетчик» вмещало в себя не все, чем занимался Мо, поэтому несколько лет назад она смастерила табличку для его мастерской, на которой написала: «Мортимер Фолхарт, книжный лекарь». И этот книжный лекарь никогда не ездил к пациентам без своей дочери. Так было и будет всегда, и не важно, что говорили по этому поводу учителя Мегги.

– Как насчет ветрянки? Не помню, я использовала уже эту отговорку?

– В прошлый раз. Когда мы ездили к тому противному типу с Библиями.

Мегги не сводила глаз с Мо.

– Мо? Мы уезжаем из-за... сегодняшней ночи?

На мгновение ей показалось, что он готов ей все рассказать, все, что только можно было рассказать. Но он лишь покачал головой.

– Чепуха! Нет, конечно! – сказал он и положил приготовленные бутерброды в полиэтиленовый пакет. – У твоей мамы есть тетя. Тетя Элинор. Мы ездили к ней в гости, когда ты

была совсем маленькой. Она давно уже просила меня привести в порядок ее книги. Она живет на берегу одного озера на севере Италии – все время забываю, как оно называется. Там очень красиво. Дорога туда займет не больше шести-семи часов.

Он говорил, не поднимая глаз.

«Почему это случилось именно сейчас?» – хотела спросить Мегги. Но вопрос этот так и остался незадаанным. Как и тот, не забыл ли он о сегодняшней встрече во второй половине дня. Она чересчур боялась ответов и того, что Мо снова скажет ей неправду.

– Она такая же странная, как и остальные? – спросила Мегги.

Они не раз навещали своих родственников. Многочисленная родня, как с его стороны, так и со стороны матери Мегги, была разбросана, казалось, по всей Европе.

Мо улыбнулся.

– Да, она несколько странновата, но ты с ней подружишься. У нее поистине замечательные книги.

– И надолго мы уезжаем?

– Вряд ли мы скоро вернемся назад.

Мегги глотнула какао. Напиток был таким горячим, что она обожгла губы и мгновенно приложила ко рту холодный нож.

Мо задвинул стул.

– Мне еще нужно упаковать кое-что в мастерской, – сказал он, – но я быстро справлюсь. Тебе, наверное, очень хочется спать, ты сможешь потом выспаться в автобусе.

Мегги только кивнула и посмотрела в окно. Утро было серым. Над полями, за которыми вздымались холмы, висел туман, и Мегги казалось, что за стволами деревьев прячутся ночные тени.

– Уложи еду и возьми с собой книги! – крикнул из коридора Мо.

Как будто она этого никогда не делала. Несколько лет назад он смастерил ей ящик для книг, который она могла брать с собой во все поездки. «Всегда хорошо иметь с собой любимые книги, особенно вдали от дома», – любил повторять Мо. Он сам всегда брал с собой около дюжины книг.

Мо покрыл ящик красным лаком, ярким, как мак, любимый цветок Мегги. Мак можно было засушить между книжными страницами, а пестик при надавливании оставлял на коже след в форме звезды. На крышке Мо вывел красивыми буквами «Сундучок Мегги», а внутри обил его блестящей черной тафтой. Но разглядеть ткань было почти невозможно, потому что у Мегги было много любимых книг. И каждый раз после очередной поездки в ящике становилось на одну книгу больше.

– Если ты возьмешь в дорогу книгу, – сказал ей Мо, положив первую книгу в ее сундучок, – то произойдет нечто удивительное: книга начнет собирать твои воспоминания. Позже тебе нужно будет только открыть ее, чтобы оказаться там, где ты читала ее в первый раз. Начальные строки книги возвратят тебя назад: ты увидишь все, что тебя окружало, почувствуешь знакомые запахи, ощутишь вкус мороженого, которое ела... Поверь мне, книги подобны липучке. Ничто не сохраняет наши воспоминания лучше книжных страниц.

Возможно, он был прав. Но Мегги брала с собой книги в дорогу по другой причине. На чужбине они были ее домом, близкими друзьями, которые никогда с ней не спорили, мудрыми, отважными, могущественными друзьями, повидавшими многое на своем веку и прошедшими через тысячу испытаний. Книги ободряли ее, когда ей было грустно, и прогоняли скуку, пока Мо заново подшивал старые страницы, обветшавшие от времени и прикосновений бесчисленных пальцев.

Некоторые книги отправлялись с ней в путешествие всегда, другие оставались дома, потому что либо не совпадали с целью поездки, либо занимали место новых, еще не известных историй.

Мегги погладила округлые корешки. Какие истории взять с собой на этот раз? Какие помогут ей справиться со страхом, который проник в их дом вчера ночью? «Может быть, стоило взять книгу, в которой рассказывается о вранье?» – подумала Мегги. Ведь Мо врал ей. Он врал, хотя знал, что она замечала по его носу, когда он говорит неправду. «Пиноккио?» – подумала Мегги. Нет. Чересчур жуткая история. И грустная к тому же. Нужно взять нечто захватывающее, что-то такое, что способно изгнать из головы все тревожные мысли. Ведьмы, точно! Ну конечно ведьмы. Лысые ведьмы, превращающие детей в мышей. Или Одиссеей с циклопами и волшебницей Цирцеей, обратившей воинов в свиней. Что может быть опасней его плаванья? Уж наверняка не их поездка.

Слева стояли книжки с картинками, по которым Мегги училась читать. Ей было тогда пять лет, и следы ее крошечных пальчиков были все еще заметны на их страницах. А на самом дне ящика она прятала книги, которые смастерила своими руками. Неделию напролет она вырезала, клеила, рисовала новые картинки, под которыми Мо писал, что на них изображено: «Ангел со счастливым лицом. От Мегги для Мо». Свое имя она писала сама, в то время она всегда пропускала одну букву «г». Мегги посмотрела на неуклюжие буквы и положила книгу назад в сундучок. И конечно, Мо помогал ей переплетать самодельные книги. Он облакал их в одежду из яркой разноцветной бумаги. Для других книг он подарил Мегги печать с ее именем и головой единорога, оттиск которой можно было найти на первой странице каждой ее книги. Иногда она брала для этой цели красные чернила, иногда черные – в зависимости от настроения. Но Мо никогда не читал ей книги вслух. Ни разу.

Он подбрасывал ее вверх, сажал к себе на плечи, показывал, как мастерить закладки из перьев черного дрозда. Но вслух он никогда ей не читал. Ни разу, ни одного слова, хотя она частенько клала книги ему на колени. Поэтому Мегги пришлось самой научиться читать и открывать сундучок...

Мегги встала.

В сундучке было еще немного места. Может быть, у Мо есть какая-нибудь новая книжка, которую она могла бы взять с собой, какая-нибудь особенно толстая, особенно интересная...

Дверь его мастерской была закрыта.

– Мо!

Мегги надавила на дверную ручку. Длинный рабочий стол был прибран – на нем не было ни печатей, ни ножей. Мо, вероятно, уже все упаковал. Может быть, он вовсе не врал?

Мегги вошла в мастерскую и осмотрелась. Дверь в золотую комнату была открыта. Вообще-то эта комната была не чем иным, как обыкновенной кладовкой, но Мегги называла ее именно так, потому что отец хранил в ней свои ценные материалы: тончайшую кожу, драгоценнейшие ткани, мраморную бумагу, печати, которыми можно было делать золотые оттиски на мягкой коже... Мегги протиснула голову в открытую дверь и увидела, как Мо заворачивал какую-то книгу в упаковочную бумагу. Она не была очень большой или толстой. Сильно потрепанный светло-зеленый тканый переплет – больше Мегги ничего не смогла увидеть, потому что Мо, заметив ее, тут же спрятал книгу за спину.

– Что ты тут делаешь? – спросил он.

– Я... – От испуга Мегги не знала, что ответить, таким мрачным было выражение его лица. – Я хотела только спросить, не найдется ли у тебя какой-нибудь книги для меня... Все книги в своей комнате я уже прочитала...

Мо провел рукой по лицу.

– Ну конечно. Что-нибудь я уж точно найду, – сказал он, но глаза его говорили: «Уходи. Уходи». А за его спиной шуршала упаковочная бумага. – Я сейчас к тебе приду, – сказал он. – Я только упакую еще кое-что, хорошо?

Сразу после этого он принес ей три книги, но той, которую он завернул в упаковочную бумагу, среди них не было.

Через час они вынесли вещи во двор. Оказавшись на улице, Мегги стала замерзать. Утро было таким же холодным, как дождь накануне, и солнце одиноко висело над горизонтом бледным пятном, словно потерянная кем-то монетка.

Больше года они жили на старом дворе. Мегги любила вид на окружающие холмы, ласточкины гнезда под крышей, высохший колодец, зияющий своей чернотой так, словно доставал до самого сердца земли. Хотя в огромном доме были сквозняки, а в пустовавших комнатах прятались толстые пауки, плата за него была умеренной, да и Мо хватало места для книг и мастерской. Кроме того, рядом с домом находились курятник и сарай, в котором теперь прописался их автобус, хотя ей было бы больше по душе, если бы его место заняли коровы или лошади.

– Коров надо доить, Мегги, – сказал ей Мо, когда она как-то раз предложила ему завести хотя бы две или три. – Рано-рано утром. И так каждый день.

– А как насчет лошади? – спросила она. – Даже у Пеппи Длинныйчулок есть лошадь, и без конюшни.

Она могла бы вполне довольствоваться и парой курочек или козой, но и их нужно было кормить каждый день, а они подолгу бывали в разъездах. Поэтому Мегги оставалась только рыжая кошка, которая время от времени прокрадывалась в дом, когда уставала от бесконечных склок с собаками на соседском дворе. Живший там ворчливый старый крестьянин был их единственным соседом. Иногда его собаки были так жалобно, что ей приходилось затыкать уши. До соседней деревни, в которую Мегги ходила в школу и где жили две ее подруги, нужно было ехать на велосипеде двадцать минут, но Мо чаще всего отвозил ее туда на автобусе, потому что узкая дорога, вдоль которой не было ничего, кроме полей и темных деревьев, была совсем безлюдная.

– Боже, что же ты туда напихала? Кирпичи? – спросил Мо, вынося сундучок Мегги из дома.

– Ты ведь сам говоришь: книги должны быть тяжелыми, потому что в них спрятан весь мир, – ответила Мегги, и Мо впервые за это утро рассмеялся.

Автобус, стоявший в пустовавшем сарае и похожий на пестрого неуклюжего зверя, был для Мегги роднее всех домов, в которых они когда-либо жили. Нигде и никогда она не спала так крепко, как на кровати, которую Мо смастерил в автобусе. Конечно, в нем были и стол, и кухонька, и скамейка, под которой стопками лежали путеводители, дорожные карты, затертые записные книжки, появлявшиеся там из ниоткуда.

Да, Мегги любила свой автобус, но в то утро она так и не решилась забраться в него. Когда Мо подошел к дому, чтобы закрыть дверь, ей показалось, что она уже больше никогда не вернется сюда, что эта поездка будет не похожа ни на одну прежнюю, что они будут ехать все дальше и дальше отсюда, спасаясь бегством от чего-то, что не имело названия. По крайней мере, для нее.

– Итак, на юг! – сказал Мо, хватаясь за руль.

Вот так они и уехали, ни с кем не попрощавшись, холодным утром, когда земля еще пахла дождем.

А у ворот их уже поджидал Сажерук.

На юг

За Дремучим Лесом – Белый Свет, а это уже ни тебя, ни меня не касается. Я там никогда не был и никогда не буду, и ты там никогда не будешь, если в тебе есть хоть капелька здравого смысла.

К. Грэм. Ветер в ивах¹

У Мегги была игра: крепко зажмурив глаза, она мысленно то удаляла, то приближала ограду с ржавыми петлями на воротах, чтобы еще четче представить себе тигра с желтыми янтарными глазами, который сидел в зарослях бамбука у самого подножия стены. А теперь на дороге за оградой стоял Сажерук.

От одного его вида сердце Мегги начало колотиться. Он появился так неожиданно, в одном свитере, дрожа и обхватив себя руками, пытаясь согреться. Пальто его, наверно, еще было мокрым от дождя, но его огненно-рыжие волосы уже высохли – они топорщились над испещренным шрамами лицом.

У Мо вырвалось проклятие. Он заглушил мотор и вышел из автобуса. Сажерук улыбнулся своей странной улыбкой и прислонился к ограде.

– И куда же ты собрался, Волшебный Язык? – спросил он. – Ты что, забыл про наш уговор? Один раз ты меня уже провел, помнишь?

– Ты знаешь, почему я тороплюсь, – ответил Мо. – По той же самой причине, что и в прошлый раз.

Он все еще стоял у открытой дверцы машины, его тело напряглось, как будто он не мог дожидаться, когда Сажерук наконец уйдет с дороги.

Но тот вел себя так, словно не замечал нетерпения Мо.

– Могу я знать, куда ты едешь? – спросил он. – В прошлый раз мне пришлось искать тебя целых четыре года. И если бы мне немножко повезло, то я бы смог опередить людей Каприкорна.

Посмотрев на Мегги, он враждебно уставился на Мо.

Мо помолчал, прежде чем дать ответ.

– Каприкорн на севере, – сказал он наконец. – Поэтому мы едем на юг. Или он обосновался где-то еще?

Сажерук посмотрел на уходящую вдаль улицу. В выбоинах поблескивала дождевая вода.

– Нет, нет! – сказал он. – Нет, он все еще на севере. Так говорят. А твое решение не дать ему то, что он ищет, вынуждает меня тоже немедленно отправиться на юг. Видит бог, я бы не хотел разглашать тайны людям Каприкорна. Если бы вы меня немного подвезли... Я уже готов в дорогу!

Обе сумки, которые он вытащил из-за ограды, выглядели так, будто уже десяток раз обогнули земной шар. Кроме них и рюкзака за спиной, у Сажерука ничего не было.

Мегги сжала губы. «Нет, Мо, – думала она, – нет, мы не возьмем его с собой!» Но ей нужно было всего лишь взглянуть на отца, чтобы понять, что его ответ будет совсем другим.

– Ну же! – сказал Сажерук. – Что мне рассказать людям Каприкорна, если они все-таки обведут меня вокруг пальца?

Его потерянный вид делал его похожим на бездомную собаку. И как ни старалась Мегги найти в нем следы чего-то зловещего, она так и не смогла это сделать.

¹ Перевод И.Токмаковой.

– Поверь, я недолго смогу скрывать от них то, что видел тебя, – продолжал Сажерук. – И потом... – Он задумался на мгновение, прежде чем закончить мысль: – Ты все еще мой должник, так ведь?

Мо опустил голову. Мегги заметила, как его рука судорожно сжала дверцу автобуса.

– Ну, если на это так посмотреть, – сказал он, – да, я твой должник.

На изрезанном шрамами лице Сажерука отразилось облегчение. Он тотчас набросил на плечи рюкзак и подошел со своими сумками к автобусу.

– Подождите, – закричала Мегги, когда Мо уже было собрался помочь Сажеруку с сумками. – Если он поедет с нами, то я хочу знать, от кого мы бежим. Кто такой этот Каприкорн?

Мо повернулся на месте.

– Мегги... – начал он хорошо знакомым тоном, говорящим: «Мегги, пойми же наконец. Мегги, не притворяйся».

Она открыла дверцу автобуса и выпрыгнула.

– Мегги, черт возьми! Сядь в автобус. Нам уже пора!

– Я вернусь только тогда, когда ты ответишь мне на эти вопросы.

Мо подошел к ней, но Мегги прошмыгнула у него между руками и выбежала за ворота на дорогу.

– Почему ты мне ничего не говоришь? – кричала она.

Дорога выглядела заброшенной. Весенний ветер ласкал лицо Мегги и шумел листвой липы, стоявшей неподалеку. Небо было все еще тусклым и серым, словно не хотело светлеть.

– Я хочу знать, что происходит! – кричала Мегги. – Я хочу знать, почему мы встали сегодня в пять утра и почему я не иду в школу. Я хочу знать, вернемся ли мы назад и кто такой Каприкорн!

Услышав это имя, Мо огляделся, словно тот, кого они с Сажеруком так боялись, мог выйти из пустого сарая так же неожиданно, как сам Сажерук, появившийся у ограды. Но двор был пуст, а Мегги переполняла такая ярость, что ей было не до страхов. Тем более что она не знала о нем ничего, кроме имени.

– Ты же мне всегда все рассказывал! – крикнула она отцу. – Всегда!

Но Мо молчал.

– Секреты есть у всех, Мегги, – наконец сказал он. – Сейчас же садись в автобус. Нам пора.

Сажерук пристально наблюдал за происходящим, переводя взгляд с Мо на Мегги.

– Ты ей ничего не рассказал? – шепотом спросил Сажерук.

Мо покачал головой.

– Но что-то ты же должен ей рассказать! Ей может угрожать опасность, если она ничего не будет знать. В конце концов, она уже не маленький ребенок.

– Ей может угрожать опасность и в том случае, если она будет об этом знать, – ответил Мо. – И это ничего не изменит.

Мегги все еще стояла на дороге.

– Я слышу все, о чем вы говорите! – крикнула она. – Какая опасность? Я не сяду в автобус до тех пор, пока не выясню это.

Мо продолжал молчать.

Сажерук нерешительно глянул на него и поставил свои сумки на землю.

– Ну, хорошо. Тогда я расскажу ей про Каприкорна.

Он не спеша подошел к Мегги. Она непроизвольно отступила.

– Ты с ним уже встречалась, – сказал Сажерук. – Это было очень давно, поэтому ты не помнишь, ты была еще вот такой маленькой. – Он опустил руку до колена. – Как же тебе объяснить, кто он такой? Когда ты увидишь, как кошка пожирает молодую птицу, ты наверняка заплачешь, правда? Или попытаешься спасти беднягу. А Каприкорн скормит птичку кошке

лишь для того, чтобы посмотреть, как кошка разорвет ее на части своими когтями, и услышать ее крик и трепет крыльев, – для него нет зрелища приятней.

Мегги отступила еще на шаг, но Сажерук подошел к ней ближе.

– Думаю, тебе не доставляет удовольствия внушать людям страх, вызывать такую дрожь в коленях, что они едва могут стоять? – спросил он. – Для Каприкорна нет ничего более приятного. Ты наверняка считаешь, что не можешь получить все, что хочешь, во что бы то ни стало. А Каприкорн думает именно так. И к сожалению, у твоего отца есть кое-что, что он непременно хочет заполучить.

Мегги взглянула на Мо. Он не сводил с нее глаз.

– Каприкорн не умеет переплести книги, как твой отец, – продолжал Сажерук. – Он знает толк только в одном – в запугивании. В этом он непревзойденный мастер. Он живет этим. Хотя мне кажется, ему самому незнакомо то чувство, когда страх сковывает тело и ты ощущаешь свою ничтожность. Но он точно знает, как вызвать страх и поселить его в сердцах и умах. Его люди разносят страх как черную почву: просовывают ее под двери, разбрасывают по почтовым ящикам, расклеивают на стенах и дверях, пока она не заполнит все вокруг, словно чума. – Сажерук стоял уже рядом с Мегги. – У Каприкорна много людей, – сказал он тихо. – Большинство служат ему с детства, и, если Каприкорн прикажет одному из них отрезать тебе нос или ухо, тот сделает это и глазом не моргнув. Они одеваются во все черное, подобно воронам, и лишь их предводитель носит белую рубашку под черной как сажа курткой. Если кто-то из них встретится тебе на пути, сделай все, чтобы они тебя не заметили. Поняла?

Мегги кивнула. Она едва могла перевести дух – так сильно колотилось ее сердце.

– Понятно, почему отец никогда не рассказывал тебе о Каприкорне, – сказал Сажерук и бросил взгляд на Мо. – Я бы тоже, наверное, рассказывал своим детям только о добрых людях.

– Я знаю, что на свете есть не только добрые люди! – Голос Мегги дрожал от гнева, как ни старалась она скрыть его, а может быть, в нем был и страх.

– Правда? Откуда же? – Таинственная улыбка гостя стала снова грустной и одновременно надменной. – Приходилось ли тебе иметь дело с настоящим злодеем?

– Я читала о них.

Сажерук рассмеялся:

– А! Ну да. Это почти то же самое, – сказал он. Его насмешка обожгла ее. Он наклонился к Мегги и посмотрел ей в лицо. – Я желаю тебе, чтобы это чтением и ограничилось, – сказал он тихо.

Мо поставил сумки Сажерука в заднюю часть автобуса.

– Надеюсь, в них нет ничего такого, что летало бы у нас над головами, – сказал он, а Сажерук сел на сиденье за Мегги. – Я знаю, что за инструменты ты с собой возишь, поэтому меня бы это вовсе не удивило.

Прежде чем Мегги успела спросить, что это были за инструменты, Сажерук открыл свой рюкзак и аккуратно вытащил сонного блестящего зверька.

– Поскольку нам предстоит длительная совместная поездка, – обратился он к Мо, – я бы хотел кое-кого представить твоей дочери.

Худенький зверек с пушистым хвостом был размером с кролика. Зверек зацепился когтями за рукав Сажерука и блестящими черными глазами-пуговицами стал рассматривать Мегги, а когда он зевнул, показались его острые как иголки зубы.

– Это Гвин, – сказал Сажерук. – Если хочешь, можешь почесать ему уши. Он сейчас очень сонный, поэтому точно не укусит.

– А вообще он кусается?

– Конечно, – сказал Мо, снова усаживаясь за руль. – Будь я на твоём месте, я бы держал свои пальцы от этого зверька подальше.

Но держать пальцы подальше от зверей Мегги не могла в принципе, тем более если у них были такие острые зубы.

– Это ведь куница, да? – спросила она, опасливо проводя кончиками пальцев по круглому уху зверька.

– Да, что-то в этом роде.

Сажерук достал из кармана засохший кусочек хлеба и сунул его Гвину в рот. Мегги гладила зверька по маленькой голове, пока тот жевал, и кончиками пальцев нащупала что-то твердое под шелковым мехом: крошечные рога за ушами. От удивления она отдернула руку.

– У куниц бывают рога?

Сажерук подмигнул ей и позволил Гвину снова забраться в рюкзак.

– У этого есть, – сказал он.

Мегги растерянно наблюдала, как он затянул ремни. Она все еще чувствовала на пальцах рожки Гвина.

– Мо, ты знал, что у куниц бывают рога? – спросила она.

– Сажерук приклеил их своему зубастому чертенку. Исходя из своих соображений.

– Каких таких соображений?

Мегги вопросительно посмотрела сначала на Мо, потом на Сажерука, но Мо уже заводил мотор, а Сажерук снял сапоги, которые, как и его сумки, очевидно, многое уже повидали на этом свете, и, глубоко вздохнув, растянулся на кровати Мо.

– Молчи, Волшебный Язык, – сказал он, прежде чем закрыть глаза. – Я не выдам твои секреты, а за это ты не разбалтывай мои. Кроме того, сначала должно стемнеть.

Больше часа Мегги ломала себе голову над тем, что мог означать этот ответ. Но еще больше ее волновал другой вопрос.

– Мо, что надо этому... Каприкорну от тебя? – спросила она, когда Сажерук захрапел.

Ее голос понизился на полтона, когда она решила произнести его имя, будто пыталась тем самым уменьшить опасность, угрожавшую им.

– Книгу, – ответил Мо, не отводя взгляда от дороги.

– Книгу? Почему ты ее не отдашь ему?

– Потому. Я тебе скоро все расскажу, но не сейчас. Хорошо?

Мегги посмотрела в окно автобуса. Мир, пролетавший мимо, уже сейчас казался ей чужим – незнакомые дома, незнакомые улицы, незнакомые поля, даже деревья и небо были совсем чужими, но Мегги уже к этому привыкла. Она еще никогда не чувствовала себя как дома. Мо был ее домом, Мо и ее книги, а может быть, еще и этот автобус, который вез ее из одной чужбины на другую.

– Эта тетя, к которой мы едем, – спросила она, когда они проезжали через бесконечно длинный туннель, – у нее есть дети?

– Нет, – ответил Мо. – Боюсь, она не особенно их жалует. Но я уверен, вы с ней подружитесь.

Мегги вздохнула. Она знала некоторых тетушек, но ни с одной из них не смогла найти общего языка.

Холмы превратились в горы, склоны по обеим сторонам дороги становились все круче, и вскоре дома перестали быть просто чужими – они и выглядели уже совсем по-другому. Мегги пыталась скоротать время, считая туннели, но, когда они оказались в пасти девятого туннеля и темноте не было ни конца ни края, она заснула. Ей снились куницы в черных куртках и книга в коричневой упаковочной бумаге.

Дом полон книг

– Мой сад – это мой сад, – сказал Великан, – и каждому это должно быть ясно, и, уж конечно, никому, кроме самого себя, я не позволю здесь играть.

Оскар Уайльд. Великан-эгоист²

Мегги проснулась оттого, что стало тихо.

Равномерный рев мотора, убаюкавший ее в автобусе, стих, и место водителя рядом с ней опустело. Мегги понадобилось какое-то время, чтобы понять, почему она не лежит в своей кровати. К лобовому стеклу прилипли дохлые мушки, а автобус стоял перед железными воротами. Вид их сверкающих зубьев внушал страх – казалось, они только и ждали, что непрошенный гость, попытавшийся перелезть через них, зацепится за их острые прутья и останется на них висеть. Грозные ворота напомнили Мегги одну из ее любимых сказок о Великане, который не хотел пускать детей к себе в сад. Именно такими представляла она себе его ворота.

Мо стоял на улице вместе с Сажеруком. Мегги вышла из автобуса и подошла к ним. Дорога упиралась в покрытый густыми зарослями обрыв на берегу большого озера. Холмы по другую сторону озера, поднимавшиеся из воды, были похожи на утонувшие горы. Вода в озере была почти черной – в волнах отражалось темное вечернее небо. В домах на берегу, будто светлячки или упавшие звезды, зажглись первые огни.

– Красиво, да? – Мо обнял Мегги за плечи. – Тебе ведь нравятся рассказы про разбойников. Видишь вон там развалины крепости? В ней когда-то жила банда разбойников. Нужно спросить Элинора, она все знает об этом озере.

Мегги только кивнула и положила голову ему на плечо – от усталости у нее кружилась голова. Лицо Мо впервые за время их отъезда не было омрачено волнением.

– Где же она живет? – спросила Мегги, подавляя зевок. – Уж точно не за зубастыми воротами?

– Именно там. Это вход в ее поместье. Не очень-то приветливо, правда? – Мо засмеялся и повел Мегги через дорогу. – Элинора очень гордится этими воротами. Она заказала их по рисунку в одной книге.

– Не по рисунку ли сада Великана-эгоиста? – пробормотала Мегги, глядя через искусно изогнутые железные прутья.

– Великан-эгоист? – Мо засмеялся. – Нет, мне кажется, это была совсем другая история. Хотя эта очень хорошо подошла бы к Элинору.

По обеим сторонам от ворот рос высокий кустарник, колючие ветви которого скрывали все, что находилось за ним. Да и через прутья Мегги не было видно ничего особенного, кроме раскидистых кустов рододендрона и исчезающей между ними широкой дорожки, покрытой гравием.

– Очень похоже на богатеньких родственников, – прошептал ей в ухо Сажерук.

– Да, Элинора достаточно богата, – сказал Мо и отвел Мегги в сторону. – Но, вероятно, скоро она будет не богаче церковной крысы, потому что все свои деньги тратит на книги. Боюсь, она продаст и душу, если черт предложит ей за это стоящую книгу.

Одним толчком Мо распахнул тяжелые ворота.

– Что ты делаешь? – встревоженно спросила Мегги. – Нам туда нельзя!

² Перевод Т. Озерской.

На табличке рядом с воротами можно было прочесть: «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», – хотя ветви кустарника и скрывали пару букв. Для Мегги подобная надпись и гостеприимство никак не могли сочетаться.

Но Мо рассмеялся.

– Не волнуйся, – сказал он и раскрыл ворота еще шире. – Единственное, что защищено в доме сигнализацией, – это библиотека. А если непрошенные гости и зайдут в ворота, не страшно. Элинон вовсе не из пугливых, а гости у нее – явление редкое.

– А собаки? – Сажерук озабоченно заглянул в сад. – Если вход оборудован такими воротами, то за ними должны быть как минимум три злые собаки размером с теленка.

Но Мо покачал головой.

– Элинон терпеть не может собак, – сказал он, подходя к автобусу. – А теперь садитесь.

Владение тетушки больше напоминало лес, чем сад. Почти сразу за воротами дорога делала изгиб, словно хотела добавить озорства движению, затем вела вверх по склону и наконец терялась между темными елями и каштанами. Их ветви окаймляли дорогу, образуя туннель, и Мегги казалось, что она уже никогда не закончится, как вдруг деревья расступились и они оказались на небольшой площади, покрытой гравием и окруженной ухоженными клумбами с розами.

На гравии, прямо перед домом, стоял серый комби. Дом был больше, чем школа, в которую Мегги ходила в прошлом году. Она попыталась пересчитать окна, но быстро сбилась со счета. Дом был очень красивый, но смотрелся не приветливее железных ворот на дороге. Возможно, желтая штукатурка выглядела такой грязной только в лучах заходящего солнца, и возможно, зеленые ставни были закрыты только потому, что за соседними горами уже лежала ночь. Возможно. Но Мегги рискнула предположить, что и днем они открывались нечасто. Входная дверь из темного дерева была похожа на недружелюбно поджатые губы, и Мегги непроизвольно схватила Мо за руку, когда они подходили к ней ближе.

Сажерук следовал за ними, нерешительно накидывая на плечо рюкзак, в котором все еще спал Гвин. Когда Мо и Мегги оказались перед дверью, Сажерук остановился в нескольких шагах от них и внимательно рассматривал закрытые ставни, будто пытался уловить взгляд хозяйки, якобы наблюдавшей за ними из окна.

Рядом со входом было решетчатое окошко, единственное, которое не закрывали зеленые ставни. Под ним висела еще одна табличка:

ЕСЛИ ВЫ НАМЕРЕНЫ ТРАТИТЬ
МОЕ ВРЕМЯ НА ПУСТЯКИ, ЛУЧШЕ ДЕРЖИТЕСЬ
ОТСЮДА ПОДАЛЬШЕ.

Мегги обеспокоенно взглянула на Мо, но он лишь соорудил в ответ гримасу и нажал кнопку звонка.

Мегги слышала, как по всему дому разнесся звон колокольчика. Некоторое время ничего не происходило. Только сорока взлетела с куста рододендрона, растущего около дома, да пара жирных воробьев наперебой клевала неприметных насекомых в гравии. Мегги бросила им крошки, которые остались у нее в кармане куртки после какого-то пикника. Вдруг дверь резко распахнулась.

Женщина, стоявшая на пороге, была старше Мо, гораздо старше, хотя Мегги никогда не могла с уверенностью определить возраст взрослых. Лицо женщины напоминало бульдога, но, возможно, дело было вовсе не в лице, а в его выражении. На ней был серый пуловер поверх пепельно-серой юбки, на короткой шее – жемчужные бусы, а на ногах – войлочные тапки, как те, что Мегги пришлось надеть, когда они с Мо были на экскурсии в одном замке. Седые волосы Элинон закалывала на макушке, но тем не менее со всех сторон свисали пряди, будто, укла-

дывая волосы, она торопилась и терпение ее иссякло. Было видно, что Элинон не проводила много времени перед зеркалом.

– Господи, Мортимер! Какой сюрприз! – сказала она, не тратя время на приветствие.

Голос ее звучал резко, но лицо не могло скрыть радости от встречи с Мо.

– Привет, Элинон, – сказал Мо и положил руку на плечо Мегги. – Ты помнишь Мегги? Вот она уже какая выросла!

Элинон окинула Мегги быстрым рассеянным взглядом.

– Да, вижу, – сказала она. – Но детям ведь свойственно расти, не так ли? И насколько я помню, за последние годы я не видела ни тебя, ни твою дочь. Чему я обязана такой честью принимать вас у себя сегодня и так неожиданно? Наконец-то ты удостоишь своим вниманием мои бедные книги?

– Точно, – кивнул Мо. – Я был вынужден перенести один из своих заказов, заказ одной библиотеки. Ты же знаешь, у библиотек всегда не хватает денег.

Мегги не сводила с него глаз. Она и понятия не имела, что он умеет так убедительно врать.

– Из-за спешки, – продолжал Мо, – мы не смогли найти ничего подходящего для ночлега, поэтому я привез ее сюда. Я знаю, что детей ты не особенно жалуешь, но Мегги не мажет книги вареньем и не вырывает из них страницы для того, чтобы заворачивать в них дохлых лягушек.

Элинон пробормотала что-то неодобрительное и посмотрела на Мегги так, будто та только и делала, что устраивала подобные выходки, несмотря на заверения ее отца.

– Когда ты привозил ее в последний раз, мы, по крайней мере, могли запереть ее в загоне для скота, – холодно сказала она. – Но теперь это больше невозможно.

Она еще раз осмотрела Мегги с головы до ног, как опасное животное, которое ей пришлось запустить в дом.

Мегги почувствовала, как от гнева кровь прилила к лицу. Ей хотелось домой или назад в автобус – куда-нибудь, только не в дом этой отвратительной женщины, ледяные глаза которой пронзили ее насквозь.

Взгляд Элинон перешел от Мегги к Сажеруку, который смущенно держался на заднем плане.

– А этот? – Она посмотрела на Мо. – Я его тоже знаю?

– Это Сажерук, один... мой друг. – Похоже, только Мегги заметила, что Мо колеблется. – Он собирается отправиться дальше на юг, но, возможно, ты могла бы позволить ему переночевать в одной из твоих бесчисленных комнат?

Элинон скрестила руки.

– Только при условии, что его имя не имеет отношения к тому, как он обращается с книгами, – сказала она. – В любом случае ему придется довольствоваться скромными апартаментами под крышей, поскольку моя библиотека в последние годы очень разрослась и поглотила все комнаты для гостей.

– Сколько же у вас книг? – спросила Мегги.

Она выросла среди стопок книг и просто не могла себе представить, что за бесчисленными окнами этого огромного дома были только книги.

Элинон снова посмотрела на нее, на этот раз с откровенным презрением.

– Сколько? – переспросила она. – Не думаешь ли ты, что я считаю их, как пуговицы или горошины? Их много, очень много. Могу предположить, что в каждой комнате этого дома находится столько книг, что ты вряд ли когда-нибудь сможешь их перечитать, а некоторые из них настолько ценные, что я тебя пристрелю без колебаний, если ты посмеешь к ним прикоснуться. Но поскольку, как утверждает твой отец, ты девочка умная, ты этого не сделаешь, так ведь?

Мегги ничего не ответила. Вместо этого она представила себе, как встанет на цыпочки и трижды плюнет на голову этой старой ведьмы.

А Мо рассмеялся.

– Ты совсем не изменилась, Элинон, – заметил он. – Язык острее ножа для бумаг. И все же я предупреждаю тебя: если ты убьешь Мегги, я сделаю то же самое с твоими любимыми книгами.

Губы Элинон скривились в улыбке.

– Хороший ответ, – сказала она и отошла в сторону. – Ты, похоже, тоже не изменился. Входите. Я покажу тебе книги, которые нуждаются в твоей помощи. И еще кое-какие.

Мегги всегда думала, что у Мо было очень много книг. После того как она перешагнула через порог дома Элинон, она перестала так думать.

Книги не лежали здесь стопками, как у Мегги дома. Очевидно, у каждой книги было свое место. Все стены, где у других были наклеены обои или висели картины, у Элинон были заняты книжными полками. В вестибюле, куда она повела их в первую очередь, полки были белыми и доходили до потолка. В следующей комнате они были черными, как и выложенный плитками пол. Черные полки были и в коридоре, где они оказались, выйдя из комнаты.

– Вон те, – указала Элинон, проходя мимо теснящихся корешков книг, – собрались за последние годы. Они не очень ценные, большей частью низкого качества, ничего особенного. Если некоторые, не владея собой, все-таки возьмут один экземпляр с полки, – при этом ее взгляд упал на Мегги, – это не будет иметь серьезных последствий, при условии, что, удовлетворив свое любопытство, они поставят книгу на свое место и не оставят в них непривлекательные закладки. – Элинон повернулась к Мо: – Хочешь верь, хочешь не верь, – сказала она, – в одном из моих последних приобретений, чудесном издании девятнадцатого века, я нашла засохший кусочек салами, который использовали в качестве закладки.

Мегги хихикнула и поймала еще один недружелюбный взгляд в свою сторону.

– Это не смешно, деточка, – сказала Элинон. – Некоторые удивительные книги были утрачены только потому, что какой-то пустоголовый рыбак рвал из них страницы, чтобы заворачивать в них свою вонючую рыбу. В Средние века были уничтожены тысячи книг лишь для того, чтобы шить из их переплетов подошвы для обуви или топить бани. – Элинон тяжело задышала, вспоминая подобные гнусности, пусть и совершенные несколько столетий назад. – Ну, хорошо. Оставим это! – воскликнула она. – Иначе я разволнуюсь еще больше, а у меня и без того высокое давление.

Она остановилась перед дверью. На светлом дереве был изображен якорь, огибаемый дельфином.

– Это знак одного знаменитого печатника, – объяснила Элинон и прикоснулась пальцем к острому носу дельфина. – В самый раз для входа в библиотеку, правда?

– Я знаю, – сказала Мегги. – Альд Маниций. Он жил в Венеции и печатал книги такого размера, чтобы они умещались в переметные сумки его заказчиков.

– Да? – Элинон поморщилась. – Этого я не знала. Так или иначе, я являюсь счастливой обладательницей одной книги, которую он напечатал собственными руками в тысяча пятьсот третьем году.

– Вы имеете в виду, она сделана в его мастерской? – уточнила Мегги.

– Именно это я и имею в виду. – Элинон откашлялась и посмотрела на Мо с такой укоризной, будто только он был повинен в том, что его дочь знала такие малоизвестные факты. – Через эту дверь, – сказала она с торжественным почтением, нажимая на ручку, – еще не проходил ни один ребенок, но, поскольку твой отец привил тебе определенное уважение к книгам, я сделаю для тебя исключение. Но только при условии, что ты не подойдешь к полкам ближе чем на три шага. Ты принимаешь это условие?

На мгновение Мегги задумалась. Очень уж ей хотелось отказаться и поразить Элино́р тем, с каким пренебрежением она относится к ее драгоценным книгам. Но она не смогла. Любопытство было сильнее ее. Она уже представила себе, что слышит шелест страниц через полуоткрытую дверь. Они обещали ей тысячи неизвестных историй, тысячи дверей в тысячи невиданных миров. Искушение было гораздо сильнее гордости Мегги.

– Принято, – пробормотала она и скрестила за спиной руки. – Три шага.

От непреодолимого желания у нее зачесались руки.

– Умный ребенок, – сказала Элино́р таким снисходительным тоном, что Мегги чуть не взяла свое слово назад.

И они вошли в святая святых дома Элино́р.

– Ее отреставрировали! – услышала Мегги голос Мо.

Он сказал еще что-то, но она уже не слушала. Она просто уставилась на книги. Полки, на которых они стояли, пахли свежесрубленным деревом и доставали до небесно-голубого потолка, с которого, словно звезды, свисали крошечные лампы. Возле полок стояли узкие деревянные лестницы с колесиками, готовые вознести жаждущего читателя на самый верх. Здесь же имелись пюпитры, на которых лежали раскрытые книги, пристегнутые желтыми латунными цепочками. Рядом стояли витрины с книгами, страницы которых с появившимися на них от времени пятнами открывали взору каждого, кто приближался, удивительнейшие картины. Мегги ничего не могла с собой поделать. Шаг вперед, быстрый взгляд на Элино́р, которая, к счастью, стояла к ней спиной, и она уже перед витриной. Ниже и ниже склонялась она над стеклом до тех пор, пока не уперлась в него носом.

Колючие листья обвивались вокруг бледно-коричневых букв. Из красной головы крошечного дракона на бумагу извергались цветы. На Мегги смотрели всадники на белых конях, словно не прошло и дня с тех пор, как кто-то вывел их крошечной кисточкой. Рядом с ними были изображены влюбленные, возможно новобрачные. Мужчина в огненно-красной шляпе враждебно смотрел на них.

– И это ты называешь «три шага»?

Мегги испуганно обернулась, но Элино́р вовсе не казалась рассерженной.

– Да, искусство книжной миниатюры! – сказала она. – Раньше только богатые умели читать, поэтому к тексту добавляли иллюстрации, чтобы бедные тоже могли понять содержание. Конечно, тогда никто не задумывался об удовольствии, бедные должны были работать, а не наслаждаться красивыми иллюстрациями. Чтение являлось преимущественным правом богатых. Нет, большей частью книги поучали. В основном это были библейские истории, которые и без того все знали. Книги лежали в церквях, и каждый день страницы перелистывались, чтобы показать следующую иллюстрацию.

– А эта книга? – спросила Мегги.

– А-а. Мне кажется, она никогда не лежала в церкви, – ответила Элино́р. – Она была создана, чтобы доставлять удовольствие очень богатому человеку, и ей уже почти шестьсот лет. – Нельзя было не заметить гордость в голосе Элино́р. – Из-за этой книги было совершено смертоубийство. К счастью, мне за нее пришлось только заплатить деньги.

Вдруг она резко повернулась и посмотрела на Сажерука, который бесшумно следовал за ними, будто кошка на охоте. Мегги подумала, что Элино́р отошлет его назад в коридор, но он, сложив за спиной руки, с таким благоговением осматривал полки, что просто не давал ей повода. Она бросила на него неодобрительный взгляд и снова повернулась к Мо.

Он стоял перед одним из пюпитров и держал в руке книгу, корешок которой висел всего на двух нитках. Он держал ее очень осторожно, как птицу со сломанным крылом.

– Ну? Ты можешь ее спасти? – обеспокоенно спросила Элино́р. – Я знаю, она в ужасном состоянии, да и остальные, боюсь, не в лучшем, но...

– Это можно исправить. – Мо положил книгу в сторону и взял следующую. – Но я думаю, мне потребуется по меньшей мере две недели. При условии, что мне не придется искать дополнительный материал. Это могло бы усложнить дело. Готова ли ты терпеть нас все это время?

– Разумеется, – кивнула Элинон, но Мегги заметила, как она посмотрела на Сажерука.

Он все еще стоял возле полок около двери и, казалось, был полностью поглощен изучением книг, но у Мегги было такое чувство, что от него не ускользало то, что говорилось за его спиной.

В кухне Элинон книг не было, ни одной книги. На деревянном столе их ждал отличный ужин. Элинон утверждала, что раньше этот стол находился в канцелярии одного монастыря в Италии. Мегги не поверила ей, ведь она знала, что монахи-писари работали за столами с наклонной поверхностью. Но она решила оставить знание при себе. Она взяла еще кусочек хлеба, пытаясь распробовать сыр, стоявший на так называемом письменном столе, как вдруг заметила, что Мо что-то шепнул на ухо Элинон. Глаза Элинон от жадности расширились, отчего Мегги сделала вывод, что речь могла идти только о книге, и она сразу вспомнила об упаковочной бумаге, о светло-зеленом льняном переплете и о раздраженном голосе Мо.

Рядом с Мегги сидел Сажерук. Он взял кусочек ветчины со стола и отправил его в рюкзак – ужин Гвина. Мегги видела, как из рюкзака показывался круглый нос в надежде полакомиться еще чем-нибудь вкусеньким. Сажерук улыбнулся Мегги, заметив на себе ее взгляд, и протянул Гвину кусочек свиного сала. Он делал вид, что не проявляет никакого интереса к шушуканью Мо с Элинон. Но Мегги показалось, что они тайно торговались.

Через некоторое время Мо встал и вышел. Мегги спросила Элинон, где находится туалет, и пошла следом за отцом.

Она еще никогда не шпионила за Мо, кроме той ночи, когда пришел Сажерук, поэтому ею овладело странное чувство. Как в тот раз, когда она попыталась выяснить, был ли Мо Дедом Морозом. Ей было стыдно идти за ним по пятам. Но он был сам виноват. Почему он спрятал от нее ту книгу? А теперь собирался отдать ее Элинон, книгу, которую ей видеть было нельзя! Она не могла забыть, как быстро Мо спрятал ее у себя за спиной. Потом она пыталась искать ее в сумке с вещами Мо, но так и не нашла.

Мегги решила, что ей просто необходимо было увидеть ее, прежде чем она исчезнет в одной из витрин Элинон! Она должна знать, почему эта книга представляла для Мо большую ценность, раз он привез ее с собой в такую даль...

Выходя из дома, он огляделся у двери, но Мегги успела вовремя спрятаться за сундук, пахнувший антимолью и лавандой. Она решила не покидать своего убежища до тех пор, пока не вернется отец. На дворе он наверняка бы ее заметил.

Время тянулось мучительно медленно, как всегда бывает, когда очень ждешь чего-то, а сердце так и бьется в груди. Мегги показалось, что книги на белых полках следят за ней, но они молчали, словно чувствовали, что в тот момент Мегги думала только об одной-единственной книге.

Наконец Мо вернулся, в руке он держал завернутый в коричневую упаковочную бумагу сверток. «Может быть, он просто хочет спрятать ее здесь!» – подумала Мегги. А где лучше всего можно спрятать книгу, как не среди тысяч других? Да. Мо оставит ее здесь, и они снова поедут домой. «Но мне бы хотелось увидеть ее хоть разочек, – думала Мегги, – прежде чем она окажется на полке, к которой мне можно приблизиться только на три шага».

Мо прошел мимо нее так близко, что она могла бы дотронуться до него, но, несмотря на это, он не заметил ее. «Мегги, ну, не смотри на меня так! – говорил он иногда. – Ты снова читаешь мои мысли».

Теперь он выглядел обеспокоенным, будто не был уверен, правильно ли он поступает. Мегги медленно досчитала до трех и снова последовала за ним, но несколько раз Мо так резко останавливался, что она чуть не врезалась в него. Он не вернулся в кухню, а сразу прошел

в библиотеку. Не оглядываясь, он открыл дверь со знаком венецианского печатника и тихо закрыл ее за собой.

Мегги так и осталась среди всех этих молчащих книг, задаваясь вопросом: стоит ли ей идти за ним дальше... стоит ли ей просить показать ей книгу? Разозлится ли он? Только она хотела собраться с духом и пойти вслед за ним, как услышала шаги, решительные, быстрые от нетерпения. Это могла быть только Элинора. Но почему?

Мегги открыла соседнюю дверь и шмыгнула в нее. Кровать с балдахином, шкаф, фотографии в серебряных рамках, стопка книг на ночном столике, на ковре раскрытый каталог, на страницах которого фотографии старинных книг. Она попала в спальню Элиноры. Сердце Мегги бешено колотилось, она прислушалась – из коридора доносились энергичные шаги Элиноры, а потом она услышала, как дверь в библиотеку закрылась во второй раз.

Мегги осторожно вышла в коридор. В нерешительности стояла она перед дверью в библиотеку, как вдруг чья-то рука сзади легла ей на плечо. Другая рука закрыла ей рот.

– Это я! – прошептал ей в ухо Сажерук. – Стой спокойно, а не то нам обоим достанется. Понимаешь?

Мегги кивнула, и Сажерук медленно убрал руку от ее рта.

– Твой отец хочет отдать этой ведьме книгу, так? – прошептал он. – Он ходил за ней к автобусу? Ну, говори же! Она была у него в руках?

Мегги оттолкнула его от себя.

– Я не знаю! – прошептала она. – Вам-то до этого какое дело?

– Какое мне до этого дело? – Сажерук тихо засмеялся. – Может быть, когда-нибудь я тебе расскажу, какое мне до этого дело. А сейчас я только хочу знать, видела ли ты это.

Мегги покачала головой. Она сама не знала, почему соврала Сажеруку. Может быть, потому, что рука его уж очень крепко сдавила ей рот.

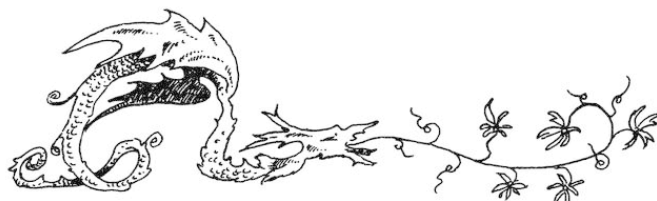
– Мегги, послушай! – Сажерук смотрел ей в лицо. Его шрамы напоминали бледные полосы, нарисованные кем-то на его щеках: две распухшие полоски на левой и третья на правой, самая длинная, от уха до носа. – Каприкорн убьет твоего отца, если не получит книгу! – прошептал Сажерук. – Он убьет его, понимаешь ты это? Разве я тебе не рассказывал, какой он? Он хочет заполучить эту книгу, а он всегда получает все, что хочет. Смешно думать, что здесь она будет в безопасности.

– Мо так не думает!

Сажерук выпрямился и уставился на дверь библиотеки.

– Да, я знаю, – пробормотал он. – В этом-то вся и загвоздка. И поэтому... – Он взял Мегги за плечи и подвел ее к закрытой двери. – Поэтому ты зайдешь туда как ни в чем не бывало и узнаешь, что они намерены сделать с книгой. Понятно?

Мегги хотела было возмутиться, но не успела она повернуться, как Сажерук открыл дверь и втолкнул ее в библиотеку.

Просто картинка

Если кто-то крадет книги или не возвращает их, одолжив на время, пусть превратится книга в его руках в ползучего гада, и да хватит его удар, и да онемеют все его члены. И да будет он громко кричать, прося пощады, и да не будет мучениям его конца. И пусть книжные черви гложут его внутренности, а последним наказанием его станет вечная Геенна огненная.

Надпись в библиотеке монастыря Сан-Педро в Барселоне³

Мегги увидела на стуле упаковочную бумагу – книгу развернули. Никто не заметил, что она вошла. Элинор склонилась над пюпитром, а рядом с ней, спиной к двери, стоял Мо.

– Невероятно. Я думала, что больше не существует ни одного экземпляра, – сказала Элинор. – Об этой книге рассказывают интересные истории. Один антиквар, у которого я часто покупаю книги, сообщил мне, что несколько лет назад у него украли три экземпляра этой книги, причем все в один день. Похожие истории произошли еще с двумя книготорговцами.

– Правда? Действительно странно! – сказал Мо. Мегги слишком хорошо знала голос отца, чтобы понять, что его удивление было притворным. – Но, что бы там ни было, эта книга очень дорога мне, несмотря ни на какие тайны. И я знаю, что у тебя она в надежных руках до тех пор, пока я не смогу забрать ее.

– У меня каждая книга в надежных руках, – строго сказала Элинор. – Ты ведь знаешь, это мои дети, мои чернильные дети, и я радею и забочусь о них: оберегаю их от солнечного света, стираю с них пыль, защищаю от грязных пальцев. Эта книга займет почетное место, и никто не увидит, пока ты не захочешь получить ее назад. Моя библиотека, как ты знаешь, не предназначена для посетителей. После их визитов в моих бедных книгах остаются жирные пятна и следы пальцев. А кроме того, мой дом защищен очень дорогой сигнализацией.

– Да, это особенно обнадеживает! – с облегчением сказал Мо. – Спасибо тебе, Элинор! Я действительно очень тебе благодарен. И если в ближайшее время кто-нибудь спросит тебя о книге, сделай вид, будто ты о ней никогда не слышала. Хорошо?

– Ну, разумеется. Чего не сделаешь ради хорошего переплетчика? И потом, ты ведь муж моей племянницы. Знаешь, временами мне ее так не хватает! Да и ты наверняка чувствуешь то же самое. А вот дочь твоя, похоже, обходится и без нее.

– Она почти не помнит мать, – тихо сказал Мо.

– Может, это и к лучшему. Иногда совсем не плохо иметь короткую память. Возможно, мы ничего не знали бы, если б не книги. Все на свете кануло бы в небытие: Троянская война, Колумб, Марко Поло, Шекспир, все эти ненормальные короли и боги... – Элинор повернулась и застыла на месте. – Я не слышала, как ты вошла, – сказала она, уставившись на Мегги так враждебно, что бедняжке потребовалось собрать все свое мужество, чтобы не развернуться и не выбежать в коридор.

– Давно ты здесь стоишь, Мегги? – спросил Мо.

Мегги высоко подняла голову.

– Ей ты показываешь эту книгу, а от меня прячешь! – сказала она. Нападение всегда лучшее средство защиты. – Еще никогда ты не прятал от меня книги! Что такого особенного в этой? Я что, ослепну, прочитав ее? Или она откусит мне пальцы? Что за страшные тайны хранятся в ней, о которых мне нельзя знать?

³ Цитируется по А. Мангелю.

– У меня есть причины не показывать ее тебе, – ответил Мо, побледнев.

Без лишних слов он подошел к Мегги и потащил было ее к двери, но Мегги вырвалась.

– Как же она упряма! – заявила Элинон. – Мне это в ней даже нравится. Ее мать в детстве была точно такой же. Подойди. – Она отошла в сторону и позвала ее к себе, махнув рукой. – Ты собственными глазами увидишь, что эта книга совершенно ничем не примечательна. Но убедись в этом сама. Своим глазам верят в первую очередь. Думаю, твой отец со мной согласится.

Она вопросительно взглянула на Мо. Мо колебался, но, смирившись с ситуацией, кивнул головой.

Раскрытая книга лежала на пюпитре. На первый взгляд она не казалась особенно старой. Мегги знала, как выглядят по-настоящему старые книги. В мастерской Мо она видела книги, на желтых страницах которых можно было обнаружить целый узор из пятен, похожий на леопардовую расцветку. Она вспомнила книгу, переплет которой был поражен древесными червями: оставленные ими следы были похожи на следы крошечных пуль, и Мо, отсоединив корешок от книги, аккуратно переплел страницы и сшил для них новое платье. Такое платье изготовлялось из кожи или из льна, часто украшалось тиснением, которое выполнялось крошечными печатями, а иногда и золочением.

Переплет этой книги был изготовлен из льна серебристо-зеленого цвета, как листья ивы. Края переплета были слегка потертые, а бумага была достаточно белой, так что каждую букву было четко видно. На открытом развороте лежала красная тесьма-закладка. На странице справа была картинка, на которой были изображены роскошно одетые женщины, глотатель огня, акробаты и некто, похожий на короля. Мегги листала дальше. В книге было мало иллюстраций, но буквы в начале каждой главы сами представляли собой картинки: на одних буквах сидели животные, другие были обвиты растениями, букву «Б» окружали языки пламени. Огонь казался таким настоящим, что Мегги пришлось дотронуться до него, чтобы понять, что он не обжигает. Следующая глава начиналась с буквы «К». Она представляла собой воина с широко расставленными ногами, на правой руке которого сидел зверек с пушистым хвостом. «Кто-то едва ли заметил, как он покинул город», – прочитала Мегги, но Элинон захлопнула книгу прямо у нее перед носом, прежде чем девочка дочитала предложение до конца.

– Думаю, этого достаточно, – сказала она и сунула книгу под мышку. – Твой отец попросил меня хранить эту книгу в безопасном месте, и я тотчас выполню его просьбу.

Мо снова схватил Мегги за руку, и на этот раз она подчинилась ему.

– Мегги, пожалуйста, забудь об этой книге! – прошептал он. – Она приносит несчастье. Я найду тебе сотни других.

Мегги только кивнула. У двери она бросила последний взгляд на Элинон, которая смотрела на книгу с такой нежностью, с какой Мо часто смотрел на Мегги, накрывая ее одеялом перед сном.

Потом дверь закрылась.

– Куда она ее спрячет? – спросила Мегги, идя по коридору следом за Мо.

– О, для таких случаев у нее есть удивительные тайники, – уклончиво ответил Мо. – Но я о них ничего не знаю, что вовсе не удивительно, когда речь идет о тайниках. Ты не возражаешь, если я отведу тебя в твою комнату? – Он пытался говорить беззаботно, но это у него не очень хорошо получалось. – Она выглядит как дорогой гостиничный номер. Нет-нет, гораздо лучше.

– Здорово, – пробормотала Мегги и оглянулась, но Сажерука нигде не было.

Где он пропал? Ей нужно было кое-что спросить у него. Прямо сейчас. Она все время думала только об этом, пока Мо показывал ей комнату и уверял, что теперь, когда все было в полном порядке, ему оставалось только выполнить работу, и уже очень скоро они вернутся домой. Мегги кивала, делая вид, что слушает его, а на самом деле думала о том, что хотела узнать у Сажерука. Ей казалось странным, что Мо ничего не заподозрил.

Когда отец ушел за багажом, Мегги тут же помчалась на кухню, но там Сажерука не было. Она заглянула в спальню Элинон. Сколько дверей в этом огромном доме она ни открывала, найти Сажерука ей так и не удалось. В конце концов она просто устала искать. Мо уже давно лег спать, да и Элинон скрылась за дверьми спальни. Мегги ничего не оставалось, как отправиться в свою комнату и лечь на огромную кровать. Лежа на ней, она чувствовала себя такой крохотной, словно ее превратили в карлицу. Проводя рукой по постельному белью в цветочек, она представляла себя Алисой в Стране чудес. В остальном же комната ей нравилась. В ней было много книг и картин. Там даже камин был, но он выглядел так, будто им уже сто лет не пользовались. Мегги встала с кровати и подошла к окну.

На улице уже давно было темно, и не успела она распахнуть ставни, как холодный ветер дунул ей в лицо. Единственное, что она могла разглядеть в темноте, был посыпанный гравием двор. Серо-белые камни бледным светом освещал фонарь. Полосатый автобус Мо, словно зебра, стоял рядом с серым комби Элинон – Мо нанес полосы на белый лак после того, как подарил Мегги «Маугли». Она вспомнила дом, который они так спешно покинули, свою комнату и школу, в которой теперь пустовало ее место. Было ли это странное чувство тоской по дому, она не знала.

Ставни так и остались распахнутыми, когда она легла спать. Рядом с кроватью Мо поставил ее сундучок с книгами. Она достала из него первую попавшуюся книгу и попыталась связать знакомые слова в единое целое, но ей это не удавалось – то и дело у нее перед глазами возникала та, другая, книга, то и дело Мегги видела перед собой буквы, окруженные образами, чьи истории остались для нее неизвестными просто потому, что у книги не было времени их рассказать.

«Я должна разыскать Сажерука, – повторяла она, засыпая. – Должен же он где-то быть!» Но тут книга выпала у нее из рук, и она заснула.

Утром ее разбудило солнце. Воздух был еще холодным, но небо было ясное, и, выглянув из окна, Мегги смогла рассмотреть вдали среди деревьев мерцающую гладь озера. Комната, которую определила ей Элинон, находилась на первом этаже. Мо спал через две комнаты от нее, а Сажеруку пришлось ютиться в каморке под крышей. Вчера, разыскивая его, Мегги заглянула и в нее. Там стояла узкая кровать, вокруг которой громоздились ящики с книгами.

Когда Мегги спустилась к завтраку, Мо сидел за столом вместе с Элинон, но Сажерука с ними не было.

– А он уже позавтракал, – язвительно сказала Элинон, когда Мегги спросила о нем. – Причем в компании острозубого зверя, который сидел на столе, когда я, ничего не подозревая, вошла в кухню. Он увидел меня и тут же зашипел. Но я ясно дала понять вашему другу, что единственные животные, которых я терплю на столе, – это комнатные мухи, и после этого он ушел на улицу вместе со своим пушистым зверем.

– Что тебе от него надо? – спросил Мо.

– Ничего особенного, я... только хотела кое-что спросить у него, – сказала Мегги.

Она доела кусок хлеба, выпила немного ужасно горького какао, приготовленного Элинон, и выбежала во двор.

Сажерук был за домом, на постриженной лужайке, где рядом с гипсовой статуей ангела стоял один-единственный шезлонг. Гвина нигде не было видно. На красном рододендроне ругались птицы, а Сажерук стоял рядом и самозабвенно жонглировал. Мегги пыталась сосчитать яркие шары – четыре, шесть, восемь. Стоя на одной ноге, он ловил их так быстро, что от пристального наблюдения за ними у нее закружилась голова. Они так легко снова оказывались у него в руке, будто ему вовсе не нужно было следить за ними. Лишь заметив Мегги, он отвлекся и упустил один шар, который подкатился прямо к ее ногам.

Мегги подобрала его и бросила Сажеруку.

- Где вы этому научились? – спросила она. – Это просто... потрясающе.
- Он с насмешкой поклонился ей. На лице у него снова была та странная улыбка.
- Я этим зарабатываю, – сказал он. – Этим и еще кое-чем.
- И как же этим можно заработать деньги?

– На рынках. На праздниках. На детских праздниках и днях рождения. Ты когда-нибудь была на таком рынке, на котором все ведут себя так, будто живут в Средневековье?

Мегги кивнула. Как-то раз она была на подобном рынке вместе с Мо. Какие удивительные товары можно было там увидеть! Казалось, они были не из другого времени, а из другого мира. Мо купил ей шкатулку, украшенную маленькой рыбкой из зелено-золотистого металла. В туловище рыбки был вставлен шарик, который звенел, как колокольчик, когда шкатулку трясли. В воздухе там пахло свежее выпеченным хлебом, дымом и мокрой одеждой. Мегги видела, как кузнец ковал меч, а заметив переодетую ведьму, тут же спряталась за спиной Мо.

Сажерук собрал все шары и бросил их в сумку, она лежала раскрытой на траве позади него. Мегги подошла и, заглянув в нее, увидела бутылки, белую вату и пакет молока, но больше ничего рассмотреть не успела, потому что Сажерук быстро захлопнул сумку.

– Извини. Профессиональные тайны, – сказал он. – Твой отец все-таки отдал книгу этой Элинон, да?

Мегги вздрогнула.

– Говори, не бойся. Я все равно все знаю. Я подслушивал. Он просто ненормальный, если хочет оставить ее здесь. Но что я могу сделать?

Сажерук сел в шезлонг. Рядом с ним на траве лежал рюкзак, из которого торчал пушистый хвост.

– Я видела Гвина, – сказала Мегги.

– Надо же! – Сажерук откинулся назад и закрыл глаза. При солнечном свете его волосы казались светлее. – Я тоже. Он сидит в рюкзаке. В это время он спит.

– Я видела его в книге. – Мегги не сводила глаз с Сажерука, но он остался невозмутим. В отличие от Мо мысли его невозможно было прочитать на лбу. Его лицо было подобно закрытой книге, и Мегги показалось, что он ударит по пальцам каждого, кто попытается в ней что-то прочитать. – Он сидел на букве «К», – продолжала она. – Я узнала его рожки.

– Правда? – Сажерук так и лежал, не открывая глаз. – А ты, случайно, не знаешь, на какую полку она поставила книгу?

Мегги словно не слышала вопроса.

– Почему Гвин так похож на зверя в книге? – спросила она. – А рога вы ему действительно приклеили.

Сажерук открыл глаза и зажмурился от солнца.

– Неужели? – спросил он, глядя на небо.

Два облака повисли над домом Элинон. Солнце скрылось за одним из них, и тут же на зеленую траву упала тень, похожая на грязное пятно.

– Отец читает тебе вслух, Мегги? – спросил Сажерук.

Мегги недоверчиво посмотрела на него, потом села на колени возле рюкзака и провела рукой по шелковому хвосту Гвина.

– Нет, – сказала она, – но он научил меня читать, когда мне было пять лет.

– Спроси его, почему он тебе никогда не читал вслух, – сказал Сажерук. – Но не верь его отговоркам.

– Почему же? – раздраженно оправдывалась Мегги. – Он просто этого не любит. Вот и все.

Сажерук усмехнулся. Он приподнялся в шезлонге и опустил руку в рюкзак.

– А у нас, похоже, полный живот, – на ощупь определил он. – Думаю, Гвин успешно поохотился прошлой ночью. Надеюсь, он не разорил очередное гнездо. Или все это только булочки и яйца, которые давали на завтрак.

Гвин завилял хвостом. Мегги с отвращением уставилась на рюкзак. Она была рада, что не видела мордочку Гвина. Может быть, на ней была засохшая кровь.

Сажерук снова откинулся в шезлонге.

– Тебе показать, для чего мне нужны бутылки, вата и прочие таинственные вещицы? – спросил он, не глядя на нее. – Но для этого необходимо, чтобы стемнело, чтобы наступила крошечная тьма. Осмелишься ли ты выйти из дома посреди ночи?

– Конечно! – обиженно ответила Мегги, хотя ей было не просто сделать это. – Но сначала ответьте мне, почему...

– Ответьте? – Сажерук рассмеялся. – Господи, ты еще скажи мне: «Ответьте, пожалуйста, господин Сажерук». Этого выканья я просто не переношу, поэтому брось это, понятно?

Мегги прикусила губу и кивнула. Он был прав – обращаться к нему на «вы» было чересчур.

– Ну, хорошо, почему ты приклеил Гвину рожки? – закончила она вопрос. – И что ты знаешь об этой книге?

Сажерук скрестил за головой руки.

– Я знаю о ней очень много, – сказал он. – И возможно, когда-нибудь я даже расскажу тебе о ней. Но начнем со встречи сегодня ночью, около одиннадцати на этом самом месте. Согласна?

Мегги взглянула на дрозда, без умолку щебетавшего на крыше дома Элинора.

– Да, – сказала она. – В одиннадцать. – И побежала в дом.

Элинора предложила Мо устроить мастерскую рядом с библиотекой. Там была маленькая комната, в которой располагалось собрание энциклопедий животных и растений (кажется, Элинора собирала все существующие виды книг). Книги стояли на полках из светлого дерева, по цвету похожего на мед. Рядом с некоторыми из них были витрины с засушенными жуками. Увидев эту коллекцию, Мегги стала еще хуже думать об Элиноре. У единственного окна стоял стол – красивый стол с резными ножками, но вполтину короче того, что стоял в мастерской Мо у них дома. Скорее всего, он выругался про себя, когда Мегги просунула в дверь голову.

– Посмотри, какой стол! – сказал он. – На нем только перебирать почтовые марки, но не книги переплетать. Само помещение какое-то маленькое. А куда мне поставить пресс? А инструменты? В прошлый раз я работал наверху, под крышей, но с тех пор там собралось несчетное число ящиков с книгами.

Мегги провела рукой по корешкам книг, теснящимся на полке.

– Скажи ей, что тебе нужен стол побольше.

Она аккуратно взяла с полки одну книгу и раскрыла ее. На случайно открытой странице были изображены необычные насекомые: жуки с рогами, пауки с хоботом, а у одного был даже настоящий нос. Мегги провела указательным пальцем по потускневшим картинкам.

– Мо, почему ты никогда не читал мне вслух?

Отец вдруг так резко обернулся, что из рук у него чуть не выпала книга.

– Почему ты меня об этом спрашиваешь? Ты разговаривала с Сажеруком, так? Что он тебе рассказал?

– Ничего. Совсем ничего!

Мегги сама не понимала, почему соврала. Она поставила книгу про жуков на место. Ей вдруг стало казаться, что кто-то плетет вокруг них тончайшую паутину, паутину из тайн и лжи, и что она незаметно становится все плотнее.

– По-моему, это очень даже неплохой вопрос, – сказала она, беря с полки другую книгу.

Книга называлась «Мастера маскировки». Животные в ней выглядели как веточки или сухие листья.

Мо снова повернулся к ней спиной и начал выкладывать на стол свои инструменты: слева лежала полиграфическая гладилка, рядом с ней – молоток с круглой головой, которым он сбивал книжные корешки, острый нож для бумаги...

Обычно он насвистывал себе под нос какую-нибудь мелодию, но сейчас он все делал молча. Мегги чувствовала, что его мысли были где-то очень далеко. Но где?

В конце концов он уселся на край стола и посмотрел на дочь.

– Я не люблю читать вслух, – сухо сказал он, – просто потому, что не люблю. Ну, ты же это всегда знала.

– Почему не любишь? Ты ведь рассказываешь мне разные истории. Ты просто замечательный рассказчик. Можешь имитировать разные голоса, можешь говорить и таинственно, и смешно...

Мо сложил руки на груди, будто пытаясь за ними спрятаться.

– Ты мог бы почитать мне «Тома Сойера», – предложила Мегги, – или «Откуда у носорога шкура».

Это был один из самых любимых рассказов Мо. Когда она была еще маленькой, она играла с Мо и представляла себе, что хлебные крошки на ее одежде были такими же, как на коже носорога.

– Да, это действительно удивительная история.

Мо снова повернулся к ней спиной. С рассеянным видом он взял со стола папку с бумагой для форзацев, открыл ее и стал перелистывать. «Каждая книга должна начинаться с такой бумаги, – сказал он как-то Мегги. – Лучше всего для этого подходит темный цвет – темно-красный или темно-синий, в зависимости от цвета переплета книги. Открыв книгу, ты обнаруживаешь перед собой театральную сцену: первое, что ты видишь, – это занавес, и, как только раздвигаешь его, представление начинается».

– Мегги, мне сейчас действительно нужно работать! – сказал он, не поворачиваясь к ней. – Чем раньше я закончу работу, тем скорее мы поедем домой.

Мегги поставила книгу на место.

– А что, если рога не приклеены? – спросила она.

– Что?

– Рога у Гвина. Что, если Сажерук их не приклеивал?

– Конечно он их приклеил. – Мо пододвинул стул к чересчур короткому столу. – Кстати, Элинора уехала за покупками. Если не хочешь умереть с голоду до ее приезда, испеки блины. Хорошо?

– Хорошо, – пробормотала Мегги. На мгновение она задумалась, стоит ли рассказать ему о предстоящей ночной встрече с Сажеруком, но потом решила этого не делать. – Как ты думаешь, можно взять отсюда на время книги? – спросила она вместо этого.

– Конечно, если только ты не припрядешь их в своем сундучке.

– Как тот похититель книг, о котором ты мне рассказывал? – Мегги сунула три книги под левую руку и четыре под правую. – Сколько же он тогда украл? Тридцать тысяч?

– Сорок тысяч, – ответил Мо. – Но по крайней мере, не убивая владельцев.

– Нет, то был испанский монах, имя которого я не помню. – Мегги поплелась к двери и открыла ее носом туфли. – Сажерук говорит, что Каприкорн может убить тебя, чтобы завладеть книгой. – Она попыталась сказать это совершенно равнодушным тоном. – Он действительно способен на это, Мо?

– Мегги! – Мо повернулся и угрожающе поднял на нее руку с ножом для бумаги. – Иди позагорай или почитай книжки, только дай мне спокойно работать. И передай Сажеруку, что

я вот этим самым ножом порежу его на мелкие кусочки, если он и дальше будет болтать тебе всякую чепуху.

– Это не ответ! – сказала Мегги и вышла в коридор.

Придя к себе в комнату, она разложила книги на огромной кровати и начала читать: о жуках, которые селятся в пустых раковинах улиток, словно люди в заброшенных домах; о лягушках в форме листа, о гусеницах с яркими шипами, о белобородых обезьянах, о полосатых муравьедах и кошках, которые роют землю в поисках сладкого картофеля. Каких только существ не было – и таких, каких Мегги могла себе представить, и таких, каких представить себе она не могла.

Но ни в одной умной книге Элинора она не нашла ни слова о рогатых куницах.

Огонь и звезды

Тут появились они с танцующими медведями, собаками и козами, мартышками и сурками, танцевали на проволоке, кувыркались вперед и назад, метали мечи и ножи и оставались целыми и невредимыми, даже когда те случайно задевали кого-то из них, глотали огонь и разжигивали камни, показывали фокусы с покрывалом и шляпой, с волшебным кубком и цепочками, ставили кукольные представления, пели как соловьи, кричали как павлины, боролись и танцевали под звуки флейты.

В. Гертиц. Книга Шпильмана

Время тянулось медленно. Мегги видела Мо недолго во второй половине дня, когда Элино́р вернулась с покупками и приготовила им спагетти с каким-то соусом.

– Извините, но у меня просто терпения не хватает заниматься стряпней, – сказала она, ставя на стол кастрюльки. – Может быть, наш друг с пушистым зверьком умеет готовить?

Сажерук пожал плечами и с сожалением произнес:

– Нет, в этом я не могу вам помочь.

– Мо хорошо готовит, – сказала Мегги, перемешивая спагетти с водянистым соусом.

– Он должен мои книги реставрировать, а не готовить, – резко ответила Элино́р. – А ты?

Мегги вздрогнула.

– Я умею печь блины, – сказала она. – Но почему вы не приобретете поваренные книги? У вас, кажется, есть все книги, кроме поваренных. Они бы вамгодились.

С точки зрения Элино́р подобное предложение не заслуживало никакого ответа.

– А кстати, еще одно правило поведения ночью, – сказала она, когда все смолкли и принялись за спагетти. – Недопустимо, чтобы в доме зажигали свечи. При виде огня я начинаю нервничать – он никогда не брезгует бумагой.

У Мегги комок подступил к горлу. Она чувствовала, что ее поймали с поличным. Естественно, она привезла с собой свечи, и они лежали на ее ночном столике. Наверняка Элино́р их заметила.

Но Элино́р смотрела не на Мегги, а на Сажерука, который играл спичечным коробком.

– Я надеюсь, вы тоже примете к сведению это правило, – сказала она, – поскольку, очевидно, мы будем находиться в вашем обществе еще несколько дней.

– Разве я могу злоупотреблять вашим гостеприимством? Завтра утром меня здесь не будет, это я вам обещаю. – Сажерук все еще держал в руке спичечный коробок. Неодобрительный взгляд Элино́р, похоже, не задевал его. – Я думаю, у кого-то совершенно неправильное представление об огне, – сказал он. – Согласен, огонь может кусаться, но его можно приручить. – Он вытащил спичку из короба, поджег ее и поднес пламя к своему открытому рту.

Мегги задержала дыхание, когда его губы сомкнулись, скрыв за собой горящую спичку. Сажерук открыл рот снова, вынул потухшую спичку и, смеясь, положил ее на свою пустую тарелку.

– Видите, Элино́р? – сказал он. – Он меня не укусил. Его можно приручить быстреей котенка.

Элино́р лишь повертела носом, а Мегги не могла отвести восхищенного взгляда от Сажерука.

Мо, похоже, совсем не был удивлен этим маленьким представлением – он лишь грозно посмотрел на Сажерука, и тот послушно спрятал спичку в карман.

– Конечно, я буду придерживаться этого правила, – быстро сказал он. – Без проблем.

Элино́р кивнула.

– Хорошо, – сказала она. – Но у меня есть еще просьба к вам. Если вы сегодня вечером, когда стемнеет, исчезнете, как вы сделали это вчера, возвращайтесь не слишком поздно. Ровно в девять тридцать я включу сигнализацию.

– Значит, мне вчера просто повезло! – Незаметно от Элино́р Сажерук сунул несколько макаронин в сумку, но Мегги все видела. – Согласен, я люблю гулять ночью. Только ночью я ощущаю свой мир – тихий, почти безлюдный и таинственный. Правда, сегодня я не собираюсь идти гулять, но тем не менее прошу вас включить это сказочное устройство попозже.

– Неужели? И с какой стати, разрешите спросить?

Сажерук подмигнул Мегги.

– Я обещал нашей маленькой госпоже небольшое представление. Начало – за час до полуночи.

– Вот как! – Элино́р вытерла губы салфеткой. – А что, если вы устроите его днем? В конце концов, маленькой госпоже всего двенадцать лет, и в восемь ей полагается лежать в кровати.

Мегги сжала губы: с пяти лет она не ложилась спать в восемь, но решила не утруждать себя объяснениями с Элино́р. Она удивлялась тому, как невозмутимо реагировал Сажерук на злобные взгляды Элино́р.

– Фокусы, которые я хочу показать Мегги, не смогут произвести днем должного впечатления, – сказал он и откинулся на стуле. – Для этого необходим, к сожалению, черный покров ночи. А может быть, вы тоже сможете попристутствовать? Тогда вы поймете, почему все должно происходить именно ночью.

– Прими его предложение, Элино́р! – сказал Мо. – Представление тебе понравится. Может быть, после этого огонь перестанет наводить на тебя такой ужас.

– Он не наводит на меня ужас. Я просто его не люблю! – заявила Элино́р с застывшим лицом.

– А еще он умеет жонглировать, – вырвалось у Мегги. – Восемью шарами.

– Одиннадцатью, – поправил ее Сажерук. – Но жонглировать нужно днем.

Элино́р подняла со скатерти спагетти и недовольно посмотрела сначала на Мо, а потом на Мегги.

– Ну, хорошо. Я не хочу портить веселье, – сказала она. – В половине десятого я буду лежать с книгой в постели, а до этого включу сирену, но, когда Мегги отправится на представление, я выключу ее на час. Этого хватит?

– Вполне, – сказал Сажерук и поклонился ей так низко, что носом достал до своей тарелки.

Мегги подавила в себе смех.

Без пяти одиннадцать она постучала в спальню Элино́р.

– Войдите! – откликнулась Элино́р. Просунув голову в дверной проем, Мегги увидела Элино́р, которая сидела в своей кровати, склонившись над толстым каталогом. – Слишком дорого, слишком дорого, слишком дорого! – бормотала она. – Запомни мой совет: нельзя увлекаться тем, на что нет денег. Пристрастие будет глотать тебя, как книжный червь. Возьми, к примеру, эту книгу! – Элино́р так ткнула пальцем в страницу каталога, что Мегги не удивилась бы, если бы в ней оказалась дырка. – Что за издание, и в каком хорошем состоянии! Вот уже пятнадцать лет я хочу его купить, но оно слишком дорогое, чересчур дорогое.

Вздыхнув, Элино́р закрыла каталог, бросила его на ковер и опустила ноги с кровати. К удивлению Мегги, на ней была длинная ночная рубашка в цветочек. Она выглядела в ней гораздо моложе, словно девочка, которая проснулась однажды утром с морщинами на лице.

– Ну да ладно. Все равно ты, скорее всего, не станешь такой ненормальной, как я! – пробурчала она, натягивая толстые носки на ноги. – Твой отец не склонен к сумасбродству, и

твоя мать никогда ничего подобного не делала. Напротив, я не встречала более рассудительных людей. А мой отец был таким же сумасшедшим, как я. Больше половины своих книг я унаследовала от него. И какой толк был ему от них? Спасли они его от смерти? Наоборот. Его хватил удар как раз на одном книжном аукционе. Не смешно ли это?

Мегги не могла ей ответить и вместо этого спросила:

– Моя мать? Вы ее хорошо знали?

Элинон фыркнула, будто Мегги задала ей вопрос, требующий глубоких раздумий.

– Разумеется. Твой отец познакомился с ней здесь. Он что, тебе никогда об этом не рассказывал?

Мегги покачала головой:

– Он не очень-то со мной разговаривает.

– Вероятно, тем лучше. Не к чему совать повсюду свой нос! А ты ее не помнишь. Ты видела знак на двери в библиотеку? Это ведь она его нарисовала. Ну ладно, идем, а не то ты пропустишь свое представление.

Мегги шла за Элинон по темному коридору. На мгновение ей показалось, что ее мать могла открыть одну из многочисленных дверей и посмеяться над ней. Почти во всем доме не горел свет, и в темноте Мегги несколько раз стучалась коленкой об углы.

– Почему здесь так темно? – спросила она Элинон, которая пыталась нащупать выключатель.

– Потому что я предпочитаю тратить деньги на книги, а не на никому не нужное освещение! – ответила Элинон и раздосадованно метнула взгляд к загорающейся лампе, будто пытаясь сказать этой дурехе, чтобы та экономнее обращалась с электричеством. Шаркая туфлями, она направилась к металлическому ящику, который был спрятан за плотным пыльным занавесом на стене возле входной двери. – Я надеюсь, ты выключила свет, перед тем как прийти ко мне? – спросила она, открывая ящик.

– Ну конечно, – сказала Мегги, хотя это могло быть вовсе не так.

– Отвернись! – приказала Элинон и, сморщив от напряжения лоб, стала возиться в ящике с сиреной. – Боже мой, все эти кнопки! Надеюсь, на этот раз я сделала все правильно. Дай мне знать, как только представление завершится. И не думай воспользоваться возможностью и пробраться в библиотеку за книгами. Помни о том, что я всегда рядом и что мои уши лучше, чем у летучей мыши.

Мегги удержалась от ответа, который уже вертелся у нее на языке. Элинон открыла входную дверь, и Мегги выскочила во двор.

Стояла теплая ночь, наполненная незнакомыми запахами.

– А к моей маме вы с таким же дружелюбием относились? – спросила она, когда Элинон уже хотела было закрыть дверь.

Элинон застыла на мгновение.

– Думаю, да, – сказала она. – Ну конечно. А она была такой же наглой, как ты. Приятного времяпрепровождения с огнеглотателем!

И Элинон захлопнула дверь.

Проходя по темному саду, Мегги вдруг услышала музыку. Неожиданно ночь вступила в свои владения и заполнила все вокруг, словно только и ждала шагов Мегги: незнакомая музыка, беспорядочное, веселое и одновременно грустное, звучание бубнов, дудок и барабанов. Мегги не удивилась бы, увидев за домом Элинон целую толпу скоморохов, но на лужайке был только Сажерук.

Он ждал на том месте, где Мегги встретила его днем. Музыка раздавалась из магнитофона, который стоял рядом с шезлонгом на траве. Для своего единственного зрителя Сажерук поставил на краю лужайки скамейку. Справа и слева от нее стояли горящие факелы. И на самой

лужайке горели два факела, отбрасывая в ночь подрагивающие тени, которые танцевали над травой, словно слуги, которых Сажерук вызвал для такого случая из леса.

Верхняя часть его тела была обнажена. Кожа у него была бледная, как луна, повисшая над домом Элинора, – казалось, луна тоже хотела быть на представлении.

Как только Мегги выступила из темноты, Сажерук поклонился ей.

– Пожалуйста, садись, прекрасная госпожа! – крикнул он под музыку. – Все ждет только тебя.

Смутившись, Мегги села на скамейку и осмотрелась. На шезлонге стояли две бутылки из темного стекла, которые она уже видела в сумке Сажерука. В одной бутылке что-то отличало белым цветом, будто туда налили лунного света. Между деревянными перекладинами шезлонга лежали факелы с белой ватой, а возле магнитофона стояло ведро и большая широкая ваза, которая, насколько помнила Мегги, обычно находилась в прихожей Элинора.

На мгновение она перевела взгляд на дом, окутанный тьмой. В комнате Мо было темно – может быть, он еще работал, а этажом ниже Мегги увидела Элинора, стоявшую возле освещенного окна. Как только Мегги посмотрела в ее направлении, она сразу же закрыла занавески, словно заметила на себе взгляд, но ее тень все еще прорисовывалась на занавесках.

– Слышишь, как тихо вокруг? – Сажерук выключил магнитофон. Ночная тишина заложилась Мегги уши. Ни один лист не шелохнулся, слышно было лишь потрескивание факелов да стрекотание сверчков. Сажерук снова включил музыку. – Я говорил с ветром, – сказал он. – Ты должна знать: когда ветер начинает играть с огнем, даже я не могу его укротить. Но он дал мне честное слово, что сегодня ночью он будет вести себя тихо и не испортит нам веселье.

Сажерук взял факел, набрал в рот лунного света из бутылки и сплюнул его в большую вазу. Затем он окунул факел в ведро, вынул его и поднес к его горящему брату. Огонь вспыхнул так неожиданно, что Мегги вздрогнула. Сажерук поднес к губам другую бутылку и стал наполнять рот жидкостью до тех пор, пока его щеки не раздулись до предела. Потом он глубоко-глубоко вздохнул, выгнул тело дугой и выплюнул все, что было у него во рту, мимо факела в воздух.

Огненный шар повис над лужайкой, сверкающий огненный шар. словно живое существо, въедался он в темноту. От его огромных размеров, думала Мегги, все вокруг в ту же секунду могло быть охвачено пламенем, все: трава, шезлонг и сам Сажерук. Последний, однако, резво повернулся на месте, словно танцующий ребенок, и еще раз изрыгнул пламя. Он направил огонь высоко в небо, будто пытаясь зажечь звезды. Потом он зажег второй факел и провел пламенем по рукам. Глаза его светились счастьем оттого, что он играет со своим любимым избранником. Огонь лизал его кожу, лаская своего друга, для которого он прогнал ночь и устроил этот танец. Сажерук подбросил ввысь факел, туда, где еще пылал огненный шар, подхватил его снова, зажег еще один и стал жонглировать тремя, четырьмя, пятью факелами. И огонь кружился вокруг него, танцевал с ним, не пытаясь укусить его, потому что он был не только Сажеруком, укротителем огня, искрометателем, но и другом.

Вдруг факелы, поглощенные темнотой, куда-то пропали, и Сажерук поклонился потерявшей дар речи Мегги. Как зачарованная она сидела на жесткой скамейке и не могла насмотреться на то, как он подносил бутылку ко рту и снова и снова извергал огонь, разгоняя крошечную тьму ночи.

Мегги не могла понять, что заставило ее перевести взгляд от вращавшихся факелов и разлетающихся искр к окнам дома. Может быть, присутствие зла чувствуешь кожей, как жар или холод... А может быть, ее внимание привлек свет, который вдруг заструился через ставни библиотеки, падая на кусты рододендрона, прижавшиеся к ставням. Может быть.

Ей показалось, что она слышит мужские голоса, они были громче музыки, раздававшейся из магнитофона. И непонятный страх охватил ее, черный и враждебный, как сама ночь.

Когда она вскочила с места, Сажерук уронил факел в траву. Затушив огонь, он посмотрел на Мегги, бежавшую к дому.

Мегги мчалась изо всех сил. Дверь была открыта, в прихожей было темно, но Мегги слышала голоса, доносившиеся из коридора, ведущего к библиотеке.

– Мо! – позвала она.

Девочку снова охватил страх, вонзавший свои когти в ее сердце.

Дверь библиотеки была открыта. Мегги хотела войти, но две сильных руки схватили ее за плечи.

– Спокойно, – прошептала Элинон и затащила ее в спальню.

Мегги заметила, что у нее дрожали пальцы, когда она закрывала дверь на замок.

– Прекрати! – Мегги отдернула руку Элинон и попыталась повернуть ключ.

Она собралась было закричать, что хочет помочь отцу, но Элинон закрыла ей рукой рот и оттащила от двери. Мегги сопротивлялась, но Элинон была сильнее, гораздо сильнее Мегги.

– Их слишком много! – шипела она, когда Мегги пыталась укунить ее за пальцы. – Четверо или пятеро рослых парней, и они вооружены. – Она потащила барахтавшуюся Мегги к стене у кровати. – Сколько раз я собиралась купить себе проклятый револьвер! – прошептала она, припадая ухом к стене. – Тысячу раз!

– Конечно она здесь! – услышала Мегги, причем для этого ей не нужно было прислонять ухо к стене. Голос был неприятно писклявым, как у кошки. – Может, привести из сада твою дочь, чтобы она нам ее показала? Или ты сделаешь это сам?

Мегги снова попыталась убраться руку Элинон от своего рта.

– Успокойся же ты, наконец! – прошептала она в ухо Мегги. – Ты принесешь ему еще больше беды. Слышишь?

– Мою дочь? Что вы хотите от моей дочери?

Мегги узнала голос Мо и всхлипнула. Элинон тут же закрыла ей лицо рукой.

– Я попыталась позвонить в полицию, – тихо говорила она ей на ухо, – но связь оборвана.

– О, мы знаем все, что нам надо знать, – снова послышался другой голос. – Итак, где книга?

– Я отдам ее вам! – Голос Мо казался уставшим. – Но я пойду с вами, потому что хочу получить ее снова, когда она будет уже не нужна Каприкорну.

«Я пойду с вами...» Что он хотел этим сказать? Не мог же он просто так уйти. Мегги стала снова вырываться, но Элинон крепко держала ее, обхватив своими сильными руками.

– Тем лучше. Нам все равно поручено привести тебя с собой, – грубо произнес кто-то. – Ты себе даже представить не можешь, как изводит себя Каприкорн, жажда услышать твой голос. Он очень полагается на твои необыкновенные способности.

– Да, Каприкорн нашел тебе замену, но новичок просто шарлатан, – снова раздался кошащий голос. – Посмотрите на Кокереля. – До Мегги донеслось шарканье ног. – Он хромот, да и Плосконос выглядел гораздо лучше, хотя он никогда не был красавцем.

– Хватит болтать, у нас нет времени. Баста, как думаешь, взять его дочь? – спросил еще кто-то гнусавым голосом.

– Нет! – крикнул Мо. – Или моя дочь остается здесь, или вы не получите книгу!

Кто-то засмеялся.

– Да успокойся ты, Волшебный Язык. Об этом речь не идет. Ребенок только задержит нас в пути, а Каприкорн ждет уже очень долго. Ну, где книга?

Мегги прижалась ухом к стене так крепко, что ей стало больно. Сначала раздался шаг, а потом она услышала, как что-то подвинули к стене.

Элинон затаила дыхание.

– Неплохой тайник! – донесся писклявый голос. – Кокерель, упакуй ее и не теряй из виду. Только после тебя, Волшебный Язык. Пошли.

Они ушли. Полная отчаяния, Мегги попыталась освободиться от рук Элинора. Она слышала, как захлопнулась дверь библиотеки, как удалялись шаги. Потом все стихло. И Элинора наконец отпустила ее.

Мегги, всхлипывая, рванулась к двери, открыла замок и побежала по коридору в библиотеку.

Она была пуста. Мо в ней не было.

Книги, как им и положено, стояли на полках, только в одном месте зияла дыра, большая и темная. Мегги увидела, что среди книг была откидная крышка, за которой было пусто.

– Невероятно! – услышала она голос Элинора, стоявшей у нее за спиной. – Они действительно искали только одну книгу.

Мегги оттолкнула ее и выбежала в коридор.

– Мегги! – крикнула ей вслед Элинора. – Подожди!

Но чего она должна была ждать? Ждать, пока незнакомцы увезут ее отца? Она слышала, как Элинора бежала за ней. Может быть, ее руки и были сильнее, чем у Мегги, но ноги Мегги были быстрее.

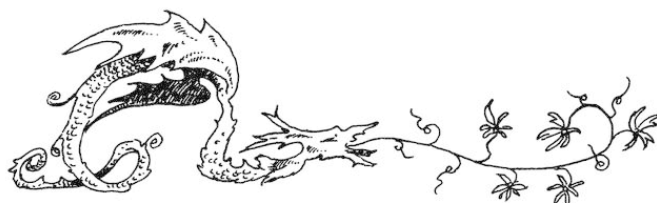
В прихожей по-прежнему было темно. Входная дверь была открыта настежь, и холодный ветер дул Мегги в лицо, когда она ворвалась в ночь.

– Мо! – крикнула она.

Ей казалось, что впереди мелькнул свет автомобильных фар, а там, где между деревьями исчезала дорога, работал мотор. Мегги бежала на его звук и упала, поскользнувшись на влажном от росы гравии. Из колена сочилась кровь, но Мегги не обращала на нее внимания. Она бежала все дальше и дальше, рыдая и всхлипывая, пока не оказалась перед большими железными воротами.

Но на дороге за ними никого не было.

Мо исчез.

Что скрывает ночь

Лучше тысяча врагов за стенами дома, чем один внутри.
Арабская пословица

Сажерук прятался за каштаном, когда Мегги пробежала мимо него. Он видел, как она остановилась у ворот и смотрела на опустевшую дорогу. Он слышал, как она слабеющим голосом повторяла имя отца. Ее зов растворялся во тьме, как стрекотание одинокой цикады, а потом вообще пропал, и Мегги застыла на месте. Сажеруку начало казаться, что она уже никогда больше не пошевелится, словно силы оставили ее, и даже слабое дуновение ветра могло бы поднять ее в воздух и унести прочь.

Она стояла так долго, что Сажеруку пришлось на время закрыть глаза, чтобы просто не смотреть на нее. Потом до него донесся ее плач. От стыда щеки его вспыхнули: подобно языкам пламени, холодные руки ветра жгли его лицо. Опершись на ствол дерева, Сажерук стоял и ждал, когда Мегги вернется в дом, но она так и не двигалась с места.

Когда у него уже занемели ноги, она повернулась, словно марионетка, которую дернули за веревочки, и поплелась к дому. Поравнявшись с ним, она вытерла с лица слезы. В этот невыносимый момент Сажерук почувствовал, что ему хочется подбежать к ней, утешить ее и объяснить, почему он все рассказал Каприкорну. Но Мегги уже прошла мимо. Она ускорила шаги, как будто силы снова возвращались к ней, и шла все быстрее и быстрее до тех пор, пока не исчезла среди черных как смоль деревьев.

Сажерук вышел из-за дерева, набросил на плечо рюкзак, поднял сумку с пожитками и быстро зашагал ко все еще настежь раскрытым воротам.

Ночь поглотила его, как хищного лиса.

Одна

– Дорогой мой, – сказала мне бабушка. – Ты ведь совсем не жалеешь о том, что до конца дней своих тебе придется остаться мьшиью?

– Нет, мне все равно, – ответил я. – Какая разница, как выглядишь, если тебя любят таким, какой ты есть.

Р. Даль. Ведьмы

Когда Мегги вернулась, Элино́р стояла на ярко освещенном пороге, накинув на плечи пальто прямо поверх ночной сорочки. Ночь была теплой, но с озера дул холодный ветер. Лицо Мегги выражало отчаяние. Элино́р было знакомо это чувство. Худшего чувства она не знала.

– Они забрали его с собой! – Голос Мегги затух от осознания безысходности. Она враждебно смотрела на Элино́р. – Почему ты меня остановила? Мы могли бы ему помочь!

Она сжала кулаки, словно была готова ударить Элино́р.

И это чувство было знакомо Элино́р. Иногда очень хочется кого-то сильно стукнуть, но какой в этом толк? Совершенно никакого. Печаль никуда не уйдет.

– Не носи чепуху! – резко ответила она. – И как бы мы это устроили? Они забрали бы и тебя с собой. Помогло бы это твоему отцу? Нет! Поэтому не стой у порога, а проходи в дом.

Но девочка не шевелилась.

– Они привезут его к Каприкорну! – прошептала она так тихо, что Элино́р едва смогла ее понять.

– К кому?

Мегги только покачала головой и провела рукой по мокрому от слез лицу.

– Полиция сейчас уже приедет, – сказала Элино́р. – Я позвонила им с сотового телефона твоего отца. Давно собираюсь купить себе такой телефон, но теперь уж точно это сделаю. Они просто обрезали мне телефонный кабель.

Мегги дрожала всем телом.

– Их уже давно и след простыл! – сказала она.

– Ради бога, Мегги, ничего с ним не случится!

Элино́р завернулась в пальто. Ветер усиливался, собирался дождь.

– Откуда ты знаешь? – Голос Мегги дрожал от ярости.

«Если бы взглядом можно было убить, – подумала Элино́р, – то я была бы уже трупом».

– Потому что он почти добровольно пошел с ними, – раздраженно ответила она. – Ты ведь слышала, что он говорил, или нет?

Девочка опустила голову. Конечно, она все слышала.

– Ты права! – прошептала она. – Он больше волновался о книге, чем обо мне.

Элино́р не знала, что сказать. Ее отец был твердо убежден в том, что о книгах необходимо заботиться больше, чем о детях. А когда он неожиданно скончался, ее и ее сестер еще долго не покидало чувство, что он, как обычно, сидит в библиотеке и стирает пыль с книг. Но отец Мегги был на него не похож.

– Ерунда! Конечно же он беспокоился о тебе! – сказала она. – Я не знаю другого отца, который бы так сильно любил свою дочь, как твой. Вот увидишь, он скоро вернется. А теперь заходи же, наконец, в дом! – Она протянула Мегги руку. – Я дам тебе горячего молока с медом.

Мегги даже не взглянула на протянутую руку. Она резко повернулась и побежала прочь, будто ее что-то осенило.

– Эй, подожди! – Бормоча ругательства, Элино́р наскоро обула садовые туфли и, спотыкаясь, побежала за Мегги. Эта дуреха побежала за дом, туда, где глотатель огня давал свое представление. Но газон был, конечно, пуст. На нем стояли лишь обугленные факелы. – Да уж, похоже, господин пироман решил долго не задерживаться, – сказала Элино́р. – По крайней мере, в доме его нет.

– Может быть, он последовал за ними? – Девочка подошла к одному из обгоревших факелов и провела по нему рукой. – Точно! Он увидел, что произошло, и отправился по их следам!

Она с надеждой посмотрела на Элино́р.

– Наверняка так и было. – Элино́р старалась казаться искренней. «А как, по-твоему, он вообще мог их преследовать? Пешком?» – мысленно добавила она. Она положила руку на плечо Мегги. «Боже мой, она все еще дрожит». – Ну, пошли же! – сказала Элино́р. – Скоро приедет полиция. Вот увидишь, через пару дней твой отец снова объявится, и не исключено, что в компании твоего друга, глотателя огня. И тебе придется дожидаться этого вместе со мной.

Мегги только кивнула головой. Обессиленная, она позволила увести себя в дом.

– Но у меня есть одно условие, – сказала Элино́р, когда они уже стояли перед дверью.

Мегги подозрительно посмотрела на нее.

– Не могла бы ты, по крайней мере пока мы будем жить вместе, перестать смотреть на меня так, словно ты готова меня отравить? Возможно ли это?

На лице Мегги появилась едва приметная потерянная улыбка.

– Думаю, да, – сказала она.

На двор, покрытый гравием, въехали двое полицейских. Они допросили Мегги и Элино́р, но ни та ни другая не могли ответить на большую часть их вопросов: нет, Элино́р не видела этих людей прежде; нет, денег они не похитили и вообще ничего ценного, только книгу. Когда она это произнесла, полицейские, усмехнувшись, переглянулись. Элино́р раздраженно прочитала им лекцию о ценности редких книг, но это только усугубило ситуацию. Когда Мегги наконец заявила, что они наверняка смогут обнаружить ее отца, если объявят в розыск некоего Каприкорна, для них это было равнозначно тому, что девочка с полной серьезностью предполагала, что ее отца похитил злой волк.

Потом они уехали. Элино́р привела Мегги в спальню. Глаза у бедняжки снова были полны слез, и Элино́р захотелось утешить девочку.

– В этой комнате спала твоя мать. – Это было, вероятно, худшее из того, что можно было сказать в такой ситуации, поэтому она быстро добавила: – Почитай что-нибудь, если не сможешь заснуть. – Элино́р откашлялась и пошла к себе в комнату по темному пустому дому.

Почему он вдруг показался ей таким огромным и совершенно пустым? За все те годы, что она прожила в этом доме, ничего подобного не приходило ей в голову, ей не казалось странным, что за всеми этими дверьми ее ждали только книги. Прошло уже много лет с тех пор, как в этих комнатах и коридорах она играла с сестрами в прятки. Как тихо она умела открывать дверь и незаметно прокрадываться в библиотеку...

Ветер гремел ставнями. «Боже, я ведь не смогу сомкнуть глаз», – подумала Элино́р. А затем она вспомнила о книге, которая ждала ее на прикроватном столике, и со смешанным чувством радости и нечистой совести скрылась в своей спальне.

Коварный подлог

Страшная, горькая книжная болезнь одолевает душу. Как омерзительно ощущать связь с бесформенной массой, состоящей из бумаги, писем и страданий мертвых. Не было ли правильнее, благороднее и отважнее оставить весь этот хлам и выйти в большой мир свободным, ничем не стесненным, необразованным суперменом?

С. Игл. Переезд библиотеки

Той ночью Мегги не спала. Как только шаги Элинора стихли, она побежала в комнату Мо.

Он еще не распаковал свои вещи – его сумка на полу была открыта. Лишь книги и надломанная плитка шоколада лежали на прикроватном столике. Мо обожал шоколад. Даже самый засохший шоколадный дед-мороз не мог чувствовать себя в безопасности, находясь рядом с ним. Мегги отломала одну дольку и отправила в рот, но он был совершенно безвкусным и отдавал лишь грустью.

Мегги легла на кровать и забралась под одеяло Мо. Оно было холодным, а подушка еще не успела перенять его запах и пахла моющим средством и кондиционером для белья. Мегги сунула под нее руку. Да, она была там: не книга – фотография. Мегги вытащила ее. Это был портрет ее матери, он всегда лежал под подушкой Мо. Когда она была маленькой, то верила, что Мо придумает ей маму, потому что он говорил, что она понравилась бы ей. Он рассказывал о ней удивительные истории.

- А она меня любила? – спрашивала тогда Мегги.
- Очень.
- А где она?
- Ей пришлось покинуть нас, когда тебе было три года.
- Почему?
- Просто она должна была уехать.
- Далеко?
- Очень далеко.
- Она умерла?
- Нет. Уверен, что нет.

Мегги привыкла, что на многие вопросы Мо давал странные ответы. В десять лет она верила уже не в ту маму, что придумал Мо, а в ту, что уехала. А пока Мо был рядом, она не особенно скучала по матери.

Но теперь и его не было рядом. И она была одна с Элинора.

Мегги вытащила из сумки свитер Мо и уткнулась в него лицом. Во всем виновата эта книга, не переставая твердила она. Почему он не отдал ее Сажеруку? Иногда гнев помогает, когда грусть мешает найти выход. Но потом у Мегги снова потекли слезы, и она заснула с соленым привкусом на губах.

Когда она резко проснулась в поту, сердце ее колотилось, и все вернулось назад: мужчины в черном, голос Мо и пустынная улица. «Я пойду его искать, – думала Мегги. – Да, я так и сделаю». За окном зардел рассвет – еще немного, и взойдет солнце. Лучше всего было бы исчезнуть до первых лучей солнца.

На стуле возле окна висела куртка Мо, словно он только что ее снял. Мегги вытащила бумажник – ей наверняка понадобятся деньги, потом крадучись добралась до своей комнаты, чтобы взять с собой некоторые вещи – только самое необходимое: кое-что из одежды и фото-

графию Мо, на которой они вместе. С ее помощью можно расспрашивать о нем. Свой сундучок она, конечно, оставит здесь. Сначала она хотела спрятать его под кроватью, но потом решила написать Элиноর записку.

«Дорогая Элинор», – написала она, хотя это обращение не очень-то подходило Элинор, и задумалась над тем, как к ней обращаться – на «вы» или на «ты». «Ну да ладно, – подумала она, – к тетушкам можно обращаться и на «ты», так проще». «Я должна отправиться на поиски своего отца, – продолжала она. – Не беспокойся за меня. – Хотя вряд ли Элинор на это способна. – Прошу тебя, не заявляй в полицию по поводу моего исчезновения, в противном случае меня вернут назад. В этом ящике находятся мои любимые книги. К сожалению, я не могу взять их с собой. Пожалуйста, пригляди за ними – я их заберу, как только разыщу отца. Спасибо. Мегги.

P.S. Мне точно известно, сколько в ящике книг».

Последнее предложение она вычеркнула – оно только разозлило бы Элинор, и кто знает, что она сделает с этими книгами. Возможно, она их продаст, ведь у каждой из них был замечательный переплет, изготовленный Мо. Ни один, правда, не был кожаным – Мегги не хотелось при чтении думать о том, что ради переплета с какого-нибудь теленка или свиньи содрали кожу. К счастью, Мо понимал ее. Он рассказывал ей, что много веков назад переплеты для особенно ценных книг делали из кожи неродившихся телят: *Charta virginea non nata* – красивое название для ужасной вещи.

– И в этих книгах, – говорил Мо, – было много мудрых слов о любви и доброте.

Пакуя вещи, Мегги изо всех сил пыталась ни о чем не думать, потому что знала, что все ее мысли сведутся к одному: «Где же его искать?» То и дело она пыталась отбросить эту мысль, но в конце концов остановилась и посмотрела на доверху наполненную сумку. Внутренний голос шептал все громче и громче: «Ну, скажи, где ты собираешься его искать? Думаешь, ты далеко сможешь уйти, пока тебя не схватит полиция? Двенадцатилетняя девочка с сумкой в руке и неправдоподобной историей о пропавшем отце и исчезнувшей матери».

Мегги крепко закрыла руками уши и потрясла головой, чтобы голос замолчал. Она вынесла в коридор сумку, которая оказалась очень тяжелой. Мегги открыла ее и выбросила все в комнату, оставив только свитер, книгу (по крайней мере одна книга была необходима), фотографию и бумажник Мо. Такую сумку она смогла бы нести столько, сколько потребуется.

Мегги тихонько спустилась по лестнице с сумкой в одной руке и с запиской для Элинор в другой. Утреннее солнце уже пробивалось сквозь щели ставней, но в большом доме было так тихо, что казалось, будто даже книги на полках уснули, лишь из спальни Элинор доносился тихий сап. Мегги хотела сунуть записку под дверь, но она не просовывалась. Мегги задумалась и надавила на ручку двери. В спальне Элинор было светло, несмотря на закрытые ставни. Возле кровати горела лампа – Элинор наверняка читала перед сном. Она лежала на спине с приоткрытым ртом и храпела, словно обращалась к гипсовым ангелам, свисавшим с потолка, и прижимала к груди книгу. Мегги тут же узнала ее.

Сделав два шага, она оказалась возле кровати.

– Откуда она у тебя? – закричала девочка и рванула книгу из отяжелевших ото сна рук Элинор. – Это книга моего отца!

Элинор вдруг проснулась, будто Мегги плеснула ей в лицо горячей воды.

– Ты украла ее! – кричала Мегги, вне себя от ярости. – Ты позвала этих бандитов. Ты и этот Каприкорн, вы с ним заодно! Ты организовала похищение моего отца, и кто знает, что ты сделала с Сажеруком! Ты хотела получить книгу с самого начала! Я заметила, что ты смотрела на нее так, словно она живая! Может быть, она стоит миллион, или два, или три...

Элинор молча сидела в кровати и рассматривала цветочки на своей ночной сорочке. Только когда Мегги замолчала, чтобы перевести дыхание, она нарушила молчание.

– Ты закончила? – спросила она. – Или ты собираешься кричать здесь до смерти?

Ее голос звучал, как всегда, резко, но в то же время в нем чувствовались угрызения совести.

– Я сообщу об этом в полицию! – выкрикнула Мегги. – Я скажу, что это ты украла книгу и что тебя следует допросить, чтобы выяснить, где находится мой отец.

– Эту книгу и тебя я спасла!

Элино́р встала с кровати, подошла к окну и открыла ставни.

– Неужели? А что теперь с Мо? – снова закричала Мегги. – Что будет, когда они заметят, что он отдал им не ту книгу? Ты будешь виновата, если они что-нибудь сделают с ним. Сажерук говорил: «Каприкорн убьет его, если он не отдаст ему книгу». Он убьет его!

Элино́р высунула голову из окна, глубоко вздохнула и обернулась.

– Чепуха! – раздраженно сказала она. – Ты чересчур доверяешь всему тому, что рассказывал тебе этот глотатель спичек. Ясно одно: ты перечитала приключенческих рассказов. Зачем им убивать твоего отца? Он что, тайный агент или опасный бандит? Он реставрирует старые книги. Это не та профессия, которая связана с риском для жизни! Я просто хотела изучить книгу в спокойной обстановке – вот и все. Только поэтому я ее подменила. Могла ли я знать, что посреди ночи заявятся эти громилы, чтобы отобрать у твоего отца книгу? Он рассказал мне только о том, что какой-то сумасшедший коллекционер уже много лет угрожает ему из-за этой книги. Откуда мне было знать, что этот коллекционер не остановится перед кражей со взломом и похищением человека? Даже мне никогда не пришлось бы такое в голову. Ну, ради только одной или двух книг.

– Но ведь Сажерук говорил об этом. Он сказал, что они его убьют! – Мегги обеими руками сжимала книгу, словно пытаясь не выпустить оставшееся в ней несчастье наружу. Ей почудился голос Сажерука. – И крик и трепет крыльев, – шептала она, – для него нет приятней зрелища.

– Что? О ком это ты там говоришь? – Элино́р села на край кровати и притянула к себе Мегги. – Ты расскажешь мне сейчас все, что знаешь об этом. Ну, давай.

Мегги открыла книгу и перелистывала страницы до тех пор, пока не нашла заглавную букву «К», на которой сидел зверек, очень похожий на Гвина.

– Мегги! Я же с тобой разговариваю! – Элино́р резко схватила ее обеими руками за плечи и потрясла. – О ком ты сейчас говорила?

– О Каприкорне.

Мегги только прошептала его имя. Ей казалось, что каждая буква его имени таит в себе опасность.

– Каприкорн, а дальше? Это имя я уже несколько раз от тебя слышала. Ну а кто, черт побери, это такой?

Мегги закрыла книгу, провела рукой по переплету и рассмотрела его со всех сторон.

– На ней нет названия, – проговорила она.

– Ни на переплете, ни внутри. – Элино́р встала и подошла к платяному шкафу. – Есть много книг, название которых узнаешь не сразу. В конце концов, помещать его на переплете – это относительно новый обычай. Во времена, когда книги переплетали так, что корешок вдавался внутрь, название находилось снаружи, на боковой части книжного блока, но чаще всего его можно было узнать, лишь открыв книгу. Позже переплетчики научились делать полукруглые корешки, куда и перекочевало название.

– Да, я знаю! – нетерпеливо заявила Мегги. – Но это не совсем старая книга. Я знаю, как выглядят старые книги.

Элино́р бросила на нее насмешливый взгляд.

– Ой, извини! Я забыла, что ты у нас настоящий эксперт. Но ты права: эта книга не очень старая. Она появилась около тридцати восьми лет назад. Поистине смешной возраст для книги! – Элино́р исчезла за открытой дверцей шкафа. – Но у нее все же есть название: она называется «Чернильное сердце». Думаю, твой отец переплел ее так намеренно, чтобы

невозможно было узнать по переплету, что это за книга. И если заглянуть в нее, то название не найдешь и на первой странице – он просто вырезал ее.

Ночная сорочка Элинон упала на ковер, и Мегги увидела, как ее голые ноги облачались в чулки.

– Мы должны снова обратиться в полицию, – сказала девочка.

– Зачем? – Элинон набросила на дверцу шкафа свой пуловер. – Что ты собираешься им рассказать? Ты что, не видела, как те двое смотрели на нас вчера? – Элинон изменила голос: – «Ну, как же все это произошло, госпожа Лоредан? Кто-то ворвался к вам в дом после того, как вы из добрых побуждений выключили сигнализацию. И эти умелые грабители унесли с собой одну-единственную книгу, хотя в вашей библиотеке есть книги ценой в несколько миллионов, и увели с собой отца этой девочки, хотя он сам предложил сопровождать их! Надо же, как интересно! И эти люди работают на некоего Каприкорна. Разве это не название астрологического знака?» Господи, девочка моя. – Элинон снова появилась из-за дверцы шкафа. На ней была отвратительная клетчатая юбка и бежевый пуловер, в котором она выглядела бледной как простыня. – Все, кто живет возле озера, и без того считают меня ненормальной, а если мы пойдем с этой историей еще раз в полицию, в округе будут говорить, что я окончательно спятила. И это стало бы еще одним доказательством того, что страсть к книгам ни к чему хорошему не приводит.

– Ты одеваешься как бабушка, – сказала Мегги.

Элинон опустила глаза на юбку и пуловер.

– Спасибо, – сказала она. – Но комментарии о моей внешности нежелательны. Кроме того, я могла бы действительно быть твоей бабушкой. Если бы приложила немного усилий.

– Ты когда-нибудь была замужем?

– Нет. А зачем? Не могла бы ты перестать задавать мне вопросы личного характера? Разве отец не говорил тебе, что это неприлично?

Мегги замолчала. Она сама не знала, почему задала Элинон все эти вопросы.

– Она ведь очень ценная, да? – спросила она.

– «Чернильное сердце»? – Элинон взяла у Мегги книгу, провела по переплету рукой и вернула ее. – Думаю, да. Хотя ты не найдешь ее ни в одном каталоге или списке ценных книг, ни одного экземпляра этого издания. Я, между прочим, кое-что выяснила об этой книге. Один коллекционер предложил бы твоему отцу много-много денег, потому что, по слухам, у него остался единственный экземпляр. В конце концов, это не только редкая, но и очень хорошая книга. Я ничего не могу сказать по этому поводу – вчера ночью я осилила не более десятка страниц. Как только появилась первая фея, я тут же уснула. Меня никогда не интересовали эти истории про фей, гномов и всех им подобных, хотя я бы поставила в саду парочку гномов.

Элинон подошла к дверце шкафа – очевидно, она рассматривала себя в зеркале. Похоже, замечание Мегги по поводу ее гардероба задело ее.

– Да, я думаю, она очень ценная, – повторила она задумчиво, – хотя про нее уже все забыли. Вряд ли кто-то знает, о чем в ней речь. Даже в библиотеках ее нет. Но время от времени появляются слухи, что других экземпляров нет просто потому, что они были похищены. Подозреваю, что это ерунда. Исчезают не только животные и растения, но и книги. К сожалению, такое случается не так уж редко. Можно было бы сто вот таких домов наполнить исчезнувшими книгами. – Элинон закрыла дверцу шкафа и беспокойными пальцами взбила волосы. – Насколько мне известно, автор этой книги еще жив, но он, вероятно, ничего не сделал для того, чтобы книга была переиздана. Может быть, ему эта история больше не нравится или книга так плохо продавалась, что он не смог найти издательство, готовое ее опубликовать. Да мало ли что?

– Я все-таки думаю, что их похищали не из-за ценности, – пробормотала Мегги.

– Нет? – рассмеялась Элино́р. – Боже мой, ты дочь своего отца. Мортимер тоже не мог поверить в то, что люди совершают неблагоприятные поступки только из-за денег, вероятно, потому, что деньги для него самого не имеют большого значения. А ты представляешь, какую цену может иметь одна книга?

Мегги с раздражением посмотрела на нее.

– Да. Но я все равно считаю, что это не было причиной похищения.

– А вот я так считаю. И Шерлок Холмс согласился бы со мной. Ты читала про него? Замечательные книги. Особенно когда за окном идет дождь.

Элино́р надела туфли. Для ее роста у нее были удивительно маленькие ступни.

– Может быть, с этой книгой связана какая-то тайна. – Мегги задумчиво провела пальцами по страницам.

– А, ты имеешь в виду что-то вроде невидимых посланий, написанных лимонным соком, или карту с обозначенными на ней сокровищами, которая скрывается в одной из иллюстраций, – язвительно сказала Элино́р.

– А почему бы и нет? – Мегги захлопнула книгу и сунула ее под мышку. – Зачем им тогда понадобился Мо? Им было бы достаточно и книги.

Элино́р пожала плечами.

«Как же она могла признаться мне в том, что не подумала об этом, – презрительно говорила себе Мегги. – Просто правда всегда должна быть на ее стороне».

Элино́р посмотрела на девочку так, словно прочитала ее мысли.

– Знаешь что? Прочитай ее сама, – сказала она. – Может быть, ты найдешь в ней то, что, на твой взгляд, не относится к повествованию. Пара лишних слов там, пара лишних букв сям... И глядишь, соберешь воедино тайное послание, указатель к сокровищам. Кто знает, сколько времени пройдет, пока твой отец вернется, а тебе нужно какое-то занятие, чтобы убивать время.

Не успела Мегги сказать что-то в ответ, как Элино́р подняла с пола записку, лежавшую возле кровати. Это было прощальное письмо Мегги – она, должно быть, обронила его, увидев в руках Элино́р заветную книгу.

– Что это еще такое? – нахмутив лоб, спросила Элино́р, когда прочитала записку. – Ты собиралась искать своего отца? Где, ради всего святого? Ты еще более сумасшедшая, чем я думала.

Мегги прижала к себе «Чернильное сердце».

– А кто будет его искать, кроме меня? – сказала она.

У нее начали дрожать губы, и она ничего не могла с этим поделать.

– Ну, если уж на то пошло, то мы будем искать его вместе! – возразила ей Элино́р. – Но сначала дадим ему возможность самому вернуться. Или ты думаешь, он будет рад, когда узнает, что ты пошла искать его по свету?

Мегги покачала головой, все поплыло у нее перед глазами, и по щеке потекла слеза.

– Ну ладно, теперь все прояснилось, – нервно произнесла Элино́р, протягивая Мегги платок. – Высморкайся, и пойдем завтракать.

Она не выпускала Мегги из дому, пока та не съела кусочек хлеба и не выпила стакан молока.

– Завтрак – самый главный прием пищи, – заявила она, намазывая себе маслом третий кусок хлеба. – Я не хочу, чтобы при встрече ты рассказала отцу, что я морила тебя здесь голодом.

Мегги проглотила слова, которыми она хотела ответить Элино́р, вместе с оставшимся кусочком хлеба и побежала во двор с книгой.

Логово льва

Послушайте. (Взрослые могут пропустить этот абзац.) Я не хочу говорить вам заранее, что у этой книги трагический конец. Я уже сказал в самом начале, что это моя любимая книга, но в ней произойдет много зла.

У. Голдман. Принцесса-невеста

Мегги села на скамейку за домом, возле которой все еще стояли обугленные факелы Сажерука. Никогда она не колебалась так долго, прежде чем открыть книгу. Она боялась того, что ее ожидало. Это было совершенно новое чувство. Она еще никогда не испытывала страха перед тем, что собирается рассказать ей книга. Наоборот, Мегги всегда переполняло любопытство и книга с такой легкостью могла увлечь ее в свой таинственный мир, что она могла начать читать ее в самый неподходящий момент. Они читали с Мо за завтраком, и из-за этого он не раз с опозданием приводил ее в школу. Она читала книги под партой, на остановках, под одеялом до тех пор, пока Мо не стягивал его и не грозил ей убрать из ее комнаты все книги, чтобы она могла как следует высыпаться. Конечно, он бы никогда этого не сделал, и он знал, что она об этом знала. На протяжении нескольких дней вечером она прятала книгу под подушку, чтобы она нашептывала ей ночью свои истории, а Мо мог почувствовать себя хорошим отцом.

Эту же книгу она ни за что бы не спрятила под подушкой из-за страха перед тем, что она могла бы ей нашептать. Все несчастья, случившиеся за эти три дня, похоже, сошли с ее страниц, и, может быть, это было всего лишь тенью того ужаса, который ждал ее впереди.

Но, несмотря ни на что, она должна была открыть ее. А где еще ей искать Мо? Элинор была права: просто так убежать было бы бессмысленно. Мегги должна во что бы то ни стало разыскать следы Мо среди страниц «Чернильного сердца».

Не успела она открыть книгу, как услышала за спиной чьи-то шаги.

– У тебя будет солнечный удар, если будешь сидеть на палящем солнце, – произнес знакомый голос.

Мегги обернулась.

Перед ней стоял Сажерук. Его улыбка была на этот раз естественной.

– Ах, посмотрите, какой сюрприз! – сказал он, склонившись над ней и уставившись на раскрытую книгу у нее на коленях. – Так она еще здесь, у тебя.

Мегги растерянно смотрела на его изувеченное лицо. Как он мог вести себя, словно ничего не произошло?!

– Где ты был? – начала она. – Они не прихватили тебя с собой? А где Мо? Куда они его увезли? – Язык девочки едва шевелился, когда она произносила эти слова.

Но Сажерук не спешил с ответом и рассматривал кусты вокруг, будто никогда не видел ничего подобного. На нем было пальто, хотя день был теплым, настолько теплым, что пот сверкающими капельками выступил у него на лбу.

– Нет, они не взяли меня с собой, – сказал он наконец и снова обратил свой взор на Мегги. – Но я видел, как они уехали вместе с твоим отцом. Я бежал за ними через кустарник. Думал, что сверну себе шею, мчась за ними по этому проклятому косогору, но вовремя подошел к воротам и увидел, что они поехали в южном направлении. Конечно, я их узнал. Каприкорн послал своих лучших людей, даже Баста был с ними.

Взгляд Мегги застыл у него на губах, словно так она могла быстрее выудить у него все подробности.

– Ну и?.. Ты знаешь, куда они отвезли Мо? – От нетерпения ее голос дрожал.

– В деревню Каприкорна, думаю. Но я хотел в этом удостовериться... – Сажерук снял пальто и повесил его на скамейку. – Поэтому я преследовал их. Я знаю, бежать бегом за машиной просто нелепо, – сказал он, когда Мегги поморщила лоб, – но я был в такой ярости. Все было напрасно: я же предупреждал вас, что нам не стоило сюда приезжать... Потом мне удалось поймать попутку, добросившую меня до того места, где они заправлялись, – четверо мужчин в черном выглядели не слишком приветливо. Прошло не много времени с того момента, как они уехали. Я взял мопед... на время и попытался преследовать их. Не смотри на меня так, можешь быть спокойна, я возвратил его потом. Он не был очень быстрым, но, к счастью, здесь очень много поворотов, и я увидел их уже внизу, в долине, а мне пришлось еще петлять по серпантину. И тогда я понял, что они везут твоего отца в штаб-квартиру Каприкорна. Не в одно из укрытий на севере, а в само логово льва.

– В логово льва? – переспросила Мегги. – Где это?

– Приблизительно в трехстах километрах к югу отсюда. – Сажерук сел рядом с ней на скамейку и зажмурил глаза. – Недалеко от побережья. – Он снова посмотрел на книгу, лежавшую у Мегги на коленях. – Каприкорн будет разгневан, когда увидит, что ему привезли не ту книгу, – сказал он. – Я только могу надеяться на то, что его разочарование никак не отразится на твоём отце.

– Но Мо ведь не знал, что это была не та книга! Элино́р тайно подменила её! – И снова по её лицу текли эти проклятые слезы. Мегги провела рукавом по глазам. Сажерук поморщил лоб и пристально посмотрел на нее, словно не знал, верить ей или нет. – Ей хотелось всего лишь полистать ее, так она мне сказала! Книга была у нее в спальне. Мо знал только о тайнике, в который она ее положила, а так как она была завернута в бумагу, то он не заметил, что это была не та книга! А люди Каприкорна тоже не проверяли.

– Конечно нет, а зачем? – Голос Сажерука был исполнен презрения. – Они не умеют читать. Книга для них не больше и не меньше, чем любая другая бумага. Кроме того, они привыкли к тому, что им дают то, что они хотят.

От страха голос Мегги зазвучал пронзительно.

– Ты должен привезти меня в эту деревню! Пожалуйста! – Молящими глазами она уставилась на Сажерука. – Я все объясню Каприкорну. Я отдам ему книгу, и он отпустит Мо. Да? Сажерук жмурил глаза на солнце.

– Ну конечно, – сказал он, не глядя на Мегги. – Это ведь единственное решение...

Внезапно до них донесся голос Элино́р.

– Кого это к нам занесло? – крикнула она, выглянув из окна своей спальни. Бледно-желтые занавески развевались на ветру, словно в них запутался некий дух. – Глотатель спичек собственной персоной?

Мегги вскочила и побежала к ней по газону.

– Элино́р, он знает, где Мо! – крикнула она.

– Неужели? – Элино́р, прищурив глаза, посмотрела на Сажерука. – Положите книгу на место! – крикнула она ему. – Мегги, заberi книгу.

Мегги смущенно обернулась. «Чернильное сердце» было действительно в руках у Сажерука, но не успела Мегги посмотреть на него, как он тут же положил книгу на скамейку и подмигнул ей, бросив злой взгляд в сторону Элино́р.

Мегги робко вернулась к нему.

– Хорошо, я приведу тебя к твоему отцу, даже если это может навлечь на меня беду! – шепнул он ей на ухо. – Но она, – он незаметно кивнул головой в сторону Элино́р, – останется здесь. Поняла?

Мегги неуверенно посмотрела на дом. Над лужайкой раздался голос Элино́р:

– Интересно, что он тебе там нашептал?

Сажерук предостерегающе взглянул на Мегги, но она этого не заметила.

– Он хочет привезти меня к Мо! – крикнула она.

– Здорово! – крикнула в ответ Элинон. – Я поеду с вами! Даже если вы предпочли бы отправиться в путь без меня!

– А как может быть иначе! – прошептал Сажерук, невинно улыбаясь Элинон. – Кто знает, может, мы сможем обменять ее на твоего отца? Каприкорну не помешает еще одна служанка. Готовить она, правда, не умеет, но, возможно, она будет стирать белье, пусть этому и не учат книги.

Мегги засмеялась, хотя не могла понять по лицу Сажерука, шутил он или говорил серьезно.

Трус

Дома! Эти ласковые оклики и осторожные прикосновения, передававшиеся по воздуху, незримые крохотные ручки, которые тянули и влекли его в совершенно определенном направлении.

К. Грэм. Ветер в ивах

Сажерук пробрался в комнату Мегги и убедился, что она спит. Дверь была заперта. Наверняка Элинон уговорила ее сделать это, потому что не доверяла ему и потому что Мегги не хотела оставлять «Чернильное сердце» без присмотра. Сажерук засмеялся, вставляя тонкую проволоку в замочную скважину. «Как глупа эта женщина, хоть и прочитала так много книг! Она верит, что этот простой замок для меня преграда?»

– Да, может быть, для таких неловких пальцев, как твои, Элинон! – прошептал он, открывая дверь. – А мои с удовольствием играют с огнем, и поэтому они такие проворные.

Симпатия, которую он испытывал к дочери Волшебного Языка, была серьезным препятствием, а угрызения совести вовсе не облегчали его задачу. Да, Сажерук начала мучить совесть, когда он пробрался в комнату Мегги. Он не собирался украсть у нее книгу, хотя Каприкорн все еще хотел ее получить. Книга и дочь Волшебного Языка – таким было его новое задание. Но пока оно откладывалось. Этой ночью он пришел к ней по другой причине: его привело то, что уже много лет грызло его сердце.

Он задумчиво стоял возле кровати и рассматривал спящую девочку. Выдать ее отца Каприкорну было не так сложно, а вот с ней это будет не просто. Ее лицо напоминало Сажеруку одного очень дорогого человека. Каждый раз, когда девочка смотрела на него, его охватывало желание доказать ей, что он не заслужил ее недоверие. След этого недоверия всегда был в ее взгляде, даже когда она смеялась над ним. Ее отец смотрел на нее совсем по-другому, как будто был готов защитить ее от всего злого на свете. «Что за глупая мысль! Никто не сможет защитить ее от этого».

Сажерук прикоснулся к шрамам на лице и поморщился. Прочь все эти ненужные мысли, он доставит Каприкорну девочку и книгу. Но не этой ночью.

Гвин пошевелился у него на плече, пытаясь сорвать ошейник – он не любил ни его, ни цепочку, которую Сажерук приладил к ошейнику. Зверек хотел отправиться на охоту, а Сажерук не отпускал его. Прошлой ночью куница убежала от него, когда он разговаривал с людьми Каприкорна. Пушистый чертенок до сих пор боялся Басту. Сажерук не мог на него обижаться.

Мегги спала крепким сном, уткнувшись в свитер (вероятно, он принадлежал ее отцу). Она бормотала что-то во сне, – Сажерук не мог разобрать, что именно. Его снова стала мучить совесть, но он гнал тягостное чувство прочь. Оно было ему не нужно. Какое ему дело до этой девочки? Да и с отцом ее он просто сводил счеты. С какой стати он должен чувствовать себя подлым негодяем, змеем-предателем?

Сажерук оглядел комнату, он искал книгу. Куда она ее спрятала? Рядом с кроватью Мегги стоял сундучок, выкрашенный красной краской. Сажерук поднял крышку. Сундучок был наполнен книгами, прекрасными книгами. Сажерук достал из кармана пальто фонарик и посветил внутрь.

– Вы только посмотрите! – прошептал он. – Что за красота! Словно пышно разодетые дамы на балу у князя!

Волшебный Язык, вероятно, переплел каждую книгу заново, после того как пальчики Мегги растрепали старые переплеты. Конечно, тут был и его знак – голова единорога. Он был

на всех книжных платях, каждое из которых имело свой неповторимый цвет. В сундучке были книги почти всех цветов радуги.

Книга, которую искал Сажерук, лежала в самом низу. В серебристо-зеленом переплете, она выглядела очень скромно, словно нищий среди роскошно одетой знати.

То, что Волшебный Язык наделил эту книгу таким скромным туалетом, нисколько не удивляло Сажерука. Скорее всего, отец Мегги ненавидел эту книгу так же сильно, как любил ее. Сажерук осторожно вытащил ее. Прошло уже почти девять лет, как он в последний раз держал ее в своих руках. Тогда она была в картонном переплете и в суперобложке, порванной внизу.

Сажерук поднял голову. Мегги вздохнула и повернулась на бок, так что ее сонное лицо было обращено к нему. Какой несчастной выглядела девочка! Наверняка ей снился плохой сон. Она шевелила губами, сжимая свитер, словно искала какой-то опоры... Но в плохих снах чаще всего нет никого рядом, и он чуть было не разбудил Мегги. Каким слабаком он был на самом деле!

Сажерук повернулся к кровати спиной – с глаз долой, из сердца вон – и быстро раскрыл книгу. Ему стало тяжело дышать. Он пролистал первые страницы, почитал, полистал дальше, дальше и дальше. Но с каждой страницей все медленнее двигались его пальцы, и вдруг он закрыл книгу. Лунный свет струился через ставни на окнах. Он не знал, сколько он так простоял, потерявшись в лабиринте букв. Он так и не научился читать быстро...

– Трус, – прошептал он. – Ты трус, Сажерук! – Он кусал губы до тех пор, пока ему не стало больно. – Ну, брось ты! – шептал он. – Это может быть последняя возможность, болван. Когда книга окажется в руках Каприкорна, он вряд ли позволит тебе заглянуть в нее.

Он снова открыл книгу, пролистал до середины и опять захлопнул ее, да так громко, что Мегги вздрогнула во сне и спрятала голову под одеялом. Сажерук ждал, не шевелясь, возле кровати, пока ее дыхание снова не стало равномерным, а потом, глубоко вздохнув, склонился над ее сундучком, положил книгу рядом с другими и беззвучно закрыл крышку.

– Ты видел? – шепнул он своей кунице. – Я просто не могу решиться. Если хочешь, ищи себе хозяина поотважней. – Гвин тихо твякнул возле его уха, но если это и был ответ, то Сажерук его не понял.

Некоторое время он слушал ровное дыхание Мегги, а потом подошел к двери.

– Что все это значит? – шептал он, снова оказавшись в коридоре. – И кто знает, чем все это кончится?

Он поднялся в каморку под крышей, которую выделила ему Элинора, и лег на узкую кровать, вокруг которой громоздились горы ящиков с книгами, но так и не сомкнул глаз до самого утра.

И все дальше на юг

*В поход, беспечный пешеход,
Уйду, избыв печаль, —
Спешит дорога от ворот
В заманчивую даль,
Свивая тысячу путей
В один, бурливый, как река,
Хотя, куда мне плыть по ней,
Не знаю я пока!*

Дж. Р. Р. Толкин. Властелин колец⁴

Утром, сразу после завтрака Элинон разложила на кухонном столе дорожную карту.

– Итак, триста километров к югу отсюда, – сказала она, с недоверием посмотрев на Сажерука. – Ну, покажите же нам, где точно мы должны искать отца Мегги.

Мегги посмотрела на Сажерука, и ее сердце бешено заколотилось. У него были круги под глазами, будто прошлой ночью он не спал. Сажерук робко подошел к столу и потер колючий подбородок. Он склонился над картой и некоторое время изучал ее, потом наконец ткнул в нее пальцем.

– Тут, – сказал он. – Вот здесь находится деревня Каприкорна.

Элинон подошла и заглянула через его плечо.

– Лигурия, – сказала она. – А как же называется эта деревня, разрешите спросить? Каприкорния?

Она не сводила глаз с Сажерука, как будто хотела взглядом удалить шрамы с его лица.

– У нее нет названия. – Сажерук говорил с откровенной неприязнью. – Когда-то давным-давно у нее было название, но к тому времени, когда там поселился Каприкорн, оно было забыто. Эту деревню вы не найдете ни на этой карте, ни на какой другой. Для остального мира эта деревня – лишь десяток полуразрушенных домов, к которым ведет дорога, не заслужившая названия.

– Гм. – Элинон склонилась над картой. – В этой области я еще ни разу не была. В Генуе была один раз. Я купила там у одного антиквара замечательный экземпляр «Алисы в Стране чудес», в хорошем состоянии и за половину реальной стоимости книги.

Она посмотрела на Мегги:

– Тебе нравится «Алиса в Стране чудес»?

– Не очень, – ответила Мегги и перевела взгляд на карту.

Элинон только покачала головой, удивляясь детской глупости, и снова обратилась к Сажеруку.

– А чем занимается этот Каприкорн, кроме того что он крадет книги и похищает отцов? – спросила она. – Если я правильно поняла Мегги, вы хорошо знаете его.

Сажерук отвел взгляд в сторону и провел пальцем вдоль реки, выходящей между зелеными и коричневыми пятнами карты.

– Конечно, мы родом из одного места, – сказал он, – но больше у нас нет ничего общего.

Элинон уставилась на него так пристально, как будто пыталась прожечь его взглядом.

⁴ Перевод А. Кистяковского.

– Одно лишь кажется мне странным, – сказала она. – Мортимер хотел спрятать «Чернильное сердце» от этого Каприкорна в безопасном месте. Почему он привез книгу именно сюда? Выходит, он сам виноват в том, что попался к нему в руки!

Сажерук пожал плечами:

– Вероятно, он считает вашу библиотеку самым надежным местом.

В памяти Мегги всплыло одно воспоминание, сначала очень расплывчатое, потом оно стало четким, как картинка в книге. Она видела Сажерука, стоявшего у ворот рядом с их автобусом, и ей показалось, что она слышит его голос...

Испугавшись, она взглянула на него.

– Ты сказал Мо, что Каприкорн живет на севере! – воскликнула она. – Поэтому он специально переспросил тебя, и ты ответил, что полностью уверен в этом.

– Ну да... так оно и было, – сказал он, не поднимая глаз. Он рассматривал свои ногти, а потом стал тереть ими свой пуловер, словно пытаюсь оттереть пятно. – Вы обе мне не доверяете, – сухо сказал он. – Я... могу это понять, но я не лгал. У Каприкорна две штаб-квартиры и некоторое количество укрытий, на случай, если ему вдруг где-то начинает угрожать опасность или его людям необходимо на время исчезнуть. Чаще всего он проводит летние месяцы на севере, а в октябре отправляется на юг, но в этом году, похоже, он проводит лето на юге. Откуда мне знать? Может быть, у него на севере проблемы с полицией? А может, на юге у него дело, которое он должен проконтролировать? – сказал он обиженным голосом, как маленький мальчик, которого в чем-то несправедливо обвиняют. – Что бы там ни было, его люди отправились с отцом Мегги на юг. Я сам это видел, а важными делами, будучи на юге, Каприкорн занимается только в этой деревне! Он чувствует себя там в безопасности, как нигде. Там у него никогда еще не было проблем с полицией, там он может вести себя как маленький король, как будто ему принадлежит целый мир. Там он пишет законы и может делать все, что ему заблагорассудится.

Сажерук улыбнулся. Это была горькая улыбка. «Если бы вы только знали! – говорила она. – Но вы вообще ничего не знаете и ничего не понимаете».

Мегги почувствовала, как ее душу снова заполнил черный страх. Он разрастался не от того, что сказал Сажерук, а от того, что он не сказал.

Элинор тоже, похоже, почувствовала это.

– Боже мой, перестаньте говорить так таинственно! – Ее резкий тон подрезал страху крылья. – Я спрашиваю еще раз: чем занимается этот Каприкорн? Как он зарабатывает деньги?

Сажерук сложил на груди руки.

– От меня вы больше ничего не узнаете. Спросите лучше его сами, раз уж я приведу вас в его деревню, что мне может стоить головы. Но с какой стати я должен рассказывать вам о Каприкорне? – Он покачал головой. – Нет! Я предупреждал отца Мегги, я советовал ему добровольно отдать книгу Каприкорну, но он меня не послушал. Если бы я его не предупредил, то люди Каприкорна схватили бы его еще раньше. Спросите Мегги! Она же была рядом, когда я говорил ему об этом! Хорошо, я рассказал ему не все, что знал. Ну и что? Я рассказываю как можно меньше о Каприкорне, я стараюсь вообще поменьше о нем думать, и, поверьте мне, когда вы с ним познакомитесь, вы меня поймете.

Элинор поморщила нос, будто такое предположение было просто нелепым, чтобы говорить о нем.

– Вы, конечно, не сможете сказать мне, почему он так охотится за этой книгой, верно? – сказала она, складывая карту. – Он что, коллекционер?

Сажерук провел пальцем по краю стола.

– Я скажу только следующее: он хочет получить эту книгу, и поэтому вам следовало бы ему отдать ее. Я помню случай, когда его люди на протяжении четырех ночей стояли перед домом одного человека только потому, что Каприкорн хотел получить его собаку.

– И он получил ее? – тихо спросила Мегги.

– Конечно, – задумчиво ответил Сажерук. – Поверь мне, ни один не сможет спать спокойно, если люди Каприкорна стоят под дверью его дома и ночи напролет смотрят в его окна. Чаще всего через несколько дней Каприкорн получает то, что хочет.

– Черт! – воскликнула Элинон. – Мою собаку он бы не получил.

Сажерук снова устался на свои пальцы и улыбнулся.

– Не улыбайтесь так! – сказала ему Элинон. – Иди собирай вещи! – обратилась она к Мегги. – Через час мы отъезжаем. Наступит тот миг, когда ты снова обретешь отца, даже если я не хочу оставлять книгу этому типу. Я ненавижу, когда книги попадают в плохие руки.

Они сели в комби Элинон, хотя Сажерук настаивал на том, чтобы они ехали на автобусе Мо.

– Вздор, такое я еще никогда не водила, – сказала Элинон, передавая Сажеруку коробку, доверху наполненную провиантом. – Кроме того, Мортимер оставил автобус закрытым.

Мегги заметила, что у Сажерука уже был готов ответ и на это, но он проглотил его.

– А если нам нужно будет заночевать? – спросил он.

– О чем вы? Я рассчитываю самое позднее завтра утром быть снова дома, не люблю покидать свои книги больше чем на день.

Сажерук поднял глаза к небу, словно там он мог найти больше смысла, чем в словах Элинон. Он собирался сесть на заднее сиденье, но Элинон остановила его.

– Подождите, подождите, будет лучше, если вы поведете, – сказала она и сунула ему в руку ключи от машины. – Вы лучше знаете, как нам ехать.

Но Сажерук вернул ей ключи.

– Я не умею водить машину, – произнес он. – Сама поездка в автомобиле неприятна для меня, не говоря уже о том, чтобы его вести.

Элинон забрала у него ключи и, покачив головой, села за руль.

– Вы какой-то странный парень! – сказала она, а Мегги тем временем усаживалась на место рядом с водителем. – И я очень надеюсь, что вы знаете, где находится отец Мегги, а не то вам придется почувствовать, что не только этот Каприкорн способен вселять ужас.

Мегги открыла окно, когда Элинон завела мотор, и бросила взгляд на автобус Мо. Ей было больно оставлять его там – это было для нее хуже, чем покинуть какой-нибудь дом. Каким бы чужим ни было новое место, с Мо у нее всегда был рядом кусочек дома. А теперь и его она должна была оставить, и больше ничего родного для нее не было, кроме, пожалуй, одежды в рюкзаке. Еще она взяла с собой некоторые вещи Мо и две его книги.

– Интересный выбор! – заявила Элинон, когда Мегги одолжила у нее для этих вещей старомодную сумку из темной кожи, которую можно было повесить на плечо. – Ты берешь с собой «Короля Артура и рыцарей Круглого стола» и «Фродо» с его восемью путешествиями. Неплохие спутники. Очень длинные повествования – то, что надо для поездки. Ты уже читала их?

Мегги кивнула.

– Много раз, – пробормотала она и еще раз провела рукой по переплетам, прежде чем положить книги в сумку. Она хорошо помнила день, когда Мо заново переплел одну из них.

– Только не смотри так мрачно! – сказала Элинон, взволнованно глянув на нее. – Вот увидишь, наша поездка будет недолгой.

Мегги была бы рада, если бы тоже была так уверена. Книга, одна из причин их поездки, лежала в багажнике, под запасным колесом, завернутая в целлофан.

– Не говори Сажеруку, где находится книга! – сказала Элинон и отдала книгу ей в руки. – Я все-таки ему не доверяю.

Но Мегги решила начать доверять Сажеруку. Ей хотелось доверять ему. Она должна была ему доверять. А кто еще мог привезти ее к Мо?

Деревня Каприкорна

Но на последний вопрос Зелиг ответил:

– Вероятно, он улетел в край по ту сторону темноты, куда не ступала нога человека и не забегал ни один зверь, где небо из меди, а земля из железа и где под шляпками грибов и в заброшенных кротовых норах обитают злые силы.

И. Б. Зингер. Сказочник Нафтали и его конь Сус

Солнце стояло высоко в небе, когда они отправились в дорогу. Вскоре в машине стало так душно, что к телу Мегги прилипла мокрая от пота футболка. Элинон открыла окно машины и передала ей бутылку воды. На ней была надета вязаная кофта, застегнутая до самого верха, и Мегги, перестав думать о Мо или Каприкорне, задалась вопросом о том, не вспотела ли она в такой одежде.

Сажерук так тихо сидел на заднем сиденье, что можно было даже забыть о нем. На коленях у него был Гвин. Зверек спал, а Сажерук гладил его не переставая. Время от времени Мегги посматривала на него. Он безучастно глядел в окно, будто мог смотреть сквозь горы и деревья, дома и обрывы, тянувшиеся вдоль дороги. Его взгляд казался совершенно пустым, словно он был где-то очень далеко. В какой-то момент Мегги обернулась и заметила у него на лице такую грусть, что тут же отвернулась.

Она тоже была бы не против поддержать какого-нибудь зверька на коленях. Эта идея, наверное, прогнала темные мысли, поселившиеся в ее сознании. А за окном открывался большой мир: вздымались высокие горы, готовые своими отвесными скалами безжалостно сжать дорогу. Но страшнее гор были туннели. В них таились видения, которые даже Гвин не мог спугнуть. Наверное, они ждали в темноте Мегги, которая представляла Мо в каком-то темном холодном месте и Каприкорна... Мегги знала, что это был он, хотя каждый раз у него были разные лица.

Она попыталась читать, но вскоре заметила, что ничего не могла запомнить, поэтому, как Сажерук, стала смотреть в окно. Элинон выбирала небольшие, загруженные транспортом дороги.

– А не то можно просто умереть со скуки, – говорила она.

Мегги было все равно. Ей хотелось лишь добраться до места. Полная нетерпения, она рассматривала горы и дома. Иногда ей удавалось бросить взгляд на незнакомцев из встречных машин, но их лица мгновенно уносились вдаль, словно книга, которую открыли и тут же закрыли. Проезжая через маленькую деревушку, на краю дороги они увидели мужчину, который приклеивал плачущей девочке на колено пластырь. Утешая ее, он погладил ее по голове, и Мегги подумала о Мо, о том, как часто он делал то же самое, как бегал по дому в поисках пластыря, и от этих воспоминаний у нее снова покатились слезы.

– Боже мой! Здесь тише, чем в погребальной камере пирамиды! – сказала Элинон.

Мегги обратила внимание на то, что она часто говорила: «Боже мой!»

– Хотя бы кто-нибудь сказал: «О, какой живописный ландшафт!» или «Какой прекрасный замок!». Еще полчаса гробовой тишины, и я засну прямо за рулем.

Ее кофта по-прежнему была застегнута на все пуговицы.

– Я не вижу никакого замка, – пробормотала Мегги.

Но прошло несколько минут, и Элинон указала ей на замок.

– Шестнадцатый век, – заявила она, когда на склоне горы показались разрушенные стены. – Трагическая история. Запретная любовь. Преследование, смерть, тоска.

Элинор рассказала о битве, которая разыгралась здесь сотни лет назад. («Копая между этими камнями, точно обнаружишь кости и погнутые шлемы».) Она знала историю каждой колокольни. Некоторые из ее рассказов были такими странными, что Мегги морщила лоб, слушая их.

– Так все и было, поверь мне! – говорила потом Элинор, не отрывая взгляда от дороги. Особенно она обожала кровавые истории: о несчастных влюбленных, казненных на эшафоте, о князьях, заживо замурованных в стенах. – В наше время все тихо и спокойно, – сказала она, закончив очередной рассказ, от которого Мегги побледнела, – но всегда где-то таится темная история. Несколько столетий назад жизнь была более захватывающей.

Мегги не могла понять, что захватывающего было во времена, когда у людей, как рассказывала Элинор, был единственный выбор между смертью от чумы и гибелью от рук проходящих через селение солдат. Но, увидев руины какого-нибудь замка, Элинор от возбуждения заливалась румянцем, а когда она заводила рассказ о воинственных князьях и жадных епископах, наводивших некогда страх на жителей этих гор, через которые теперь вела асфальтированная дорога, в ее обычно тусклых глазах загорался огонек.

– Дорогая Элинор, очевидно, что вы родились не в своей истории, – заявил Сажерук после долгого молчания.

– Не в своей истории? Вы имеете в виду – не в свое время? Да, подобная мысль мне тоже приходила в голову.

– Называйте это как хотите, – сказал Сажерук. – В любом случае вы найдете общий язык с Каприкорном. Он тоже любит такие истории.

– Мне понимать это как оскорбление? – обиженно спросила Элинор.

Подобное сравнение, похоже, ей не понравилось, потому что она почти час молчала, и Мегги снова ничто не отвлекало от ее страхов перед ужасными видениями, поджидавшими ее в каждом туннеле.

Начало смеркаться, когда горы были уже позади и за зелеными холмами появилось море. Оно поблескивало в лучах заходящего солнца, как кожа красивой змеи. Когда-то давно Мегги видела холодное, серое море, из-за ветра казавшееся бесцветным. Это море было совсем другим.

Один вид его согревал Мегги сердце, но оно то и дело пропадало за уродливыми высокими домами, что занимали небольшое пространство между берегом и подножием холмов, которые кое-где не оставляли домам места, подходя близко к морю, и тогда море лизало их зеленые ноги. В свете заходящего солнца они напоминали разбившиеся о сушу волны.

Мчась по извилистой дороге вдоль побережья, Элинор снова начала рассказывать о римлянах, которые якобы построили эту дорогу, о страхе перед дикими жителями этой узкой полоски земли...

Мегги слушала ее одним ухом. На обочинах росли пальмы, колючие листья которых были покрыты пылью. Между ними цвели огромные агавы, мясистые листья делали их похожими на пауков. Небо, простиравшееся за ними, окрасилось в розовый и желтый цвет, а солнце садилось все ниже и ниже, и сверху, словно чернила, на нем появились темно-синие струйки ночи. Вид был таким красивым, что от умиления наворачивались слезы.

Мегги представляла себе местность, в которой жил Каприкорн, совсем другой. Красота и страх редко уживаются рядом.

Они ехали через небольшую деревню, мимо домов, которые были такими пестрыми, словно их разрисовывали дети. Оранжевые, розовые и желтые: светло-желтые, темно-желтые, бледно-желтые, грязно-желтые – с зелеными ставнями и красно-коричневыми крышами. Даже опускавшиеся сумерки не могли окрасить их в темные цвета.

– Не похоже, чтобы в этих домах таилась опасность! – воскликнула Мегги, провожая глазами очередной розовый дом.

– Просто потому, что ты все время смотришь только налево, – сказал за ее спиной Сажерук.

Мегги стала смотреть на другую сторону. Сначала и там были только яркие дома. Они стояли на краю улицы, словно облокотившись друг на друга. Но вдруг дома пропали, и отвесные скалы, в складках которых уже гнездилась ночь, окаймляли дорогу. Да, Сажерук был прав, редкие дома, обреченные утонуть в опускавшейся тьме, наводили ужас.

Резко стемнело – на юге ночь наступает быстро, – и Мегги была рада, что Элинон вела машину по ярко освещенной дороге вдоль побережья. Но в конце концов Сажерук велел ей повернуть на дорогу, уходившую в темноту, – теперь и море, и пестрые дома остались позади.

Все теснее становилась долина, все больше холмов вздымалось со всех сторон, дорога то поднималась, то опускалась. Свет фар упал на заросли дрока, одичавшие виноградники и на оливковые деревья, которые скрючились, словно старички.

За все время пути им встретились только два автомобиля. Порой в темноте вспыхивали огни то здесь, то там разбросанных деревень. Но дороги, по которым они ехали, убегали в крошечную темноту. Несколько раз фары освещали обветшалые постройки, но Элинон не знала ни одной истории о них. В этих стенах жили не князья и не епископы в красных мантиях, а крестьяне и батраки, чьи истории никто не записал, а когда они исчезли, погребенные под диким тимьяном и бурно разросшимся молочаем, их забыли.

– Мы правильно едем? – спросила Элинон шепотом, будто мир вокруг нее погрузился в тишину, и она не хотела нарушать ее. – И где нам искать его деревню в этом богом забытом краю? По-видимому, мы уже дважды не там свернули.

Но Сажерук покачал головой.

– Мы едем в правильном направлении, – ответил он. – На той стороне холма вы увидите дома.

– Я надеюсь! – пробормотала Элинон. – Пока я и дороги не вижу. Боже мой, похоже, во всем мире не сыщешь места темнее. А вы не могли заранее мне сказать, что это так далеко? Я бы еще раз заправилась. Не знаю, хватит ли нам бензина на обратную дорогу до побережья.

– А чья это машина? Моя? – раздраженно ответил Сажерук вопросом на вопрос. – Я уже говорил вам, что в этих вещах ничего не смыслию. Смотрите вперед. Скоро будет мост.

– Мост? – Элинон завернула еще раз и резко нажала на тормоза.

Посреди улицы, освещенной двумя строительными лампами, стояла заградительная решетка, которая была такая ржавая, словно она стояла там уже несколько лет.

– Вот вам пожалуйста! – крикнула Элинон и стукнула обеими руками по рулю. – Мы приехали не туда. Я ведь вам говорила!

– А вот и не так.

Сажерук снял Гвина с плеча и вышел из машины. Подойдя к решетке, он стал оглядываться и прислушиваться.

Мегги чуть не рассмеялась, посмотрев на ошеломленную Элинон.

– Этот парень, похоже, совсем из ума выжил, – прошептала она. – Если он думает, что в такую темень я поеду по закрытой дороге, то он ошибается.

Но она не выключала мотор, и, когда Сажерук дал ей знак, что можно ехать, она проехала вперед. Затем Сажерук вернул ограждение на прежнее место.

– Не смотрите на меня так! – сказал он, сев в машину. – Это ограждение всегда здесь стоит. Каприкорн приказал установить его на этом месте, чтобы избежать незваных гостей. Редко кто-то осмеливается заглянуть сюда. Многих отпугивают истории, которые распространяет Каприкорн по округе, но...

– Что за истории? – перебила его Мегги, хотя на самом деле она не хотела этого знать.

– Страшные истории, – ответил Сажерук. – Люди в этих местах суеверны, пожалуй как и повсюду. Любимая история здесь о том, что за этим холмом живет сам дьявол.

Мегги разозлилась на себя, но не могла оторвать глаз от темной вершины холма.

– Мо говорит, что дьявола люди сами придумали, – сказала она.

– Вполне может быть, – загадочно улыбнулся Сажерук. – Но это ведь ты хотела знать, что здесь рассказывают. Говорят, людей, живущих в той деревне, не убить пулей, будто они могут ходить сквозь стены и в каждое новолуние крадут трех мальчиков, которых Каприкорн обучает воровству, поджогам и убийствам.

– Боже, кто же все это выдумал? Местные жители или сам Каприкорн? – Элинон склонилась над рулем: дорога была в выбоинах – пришлось ехать медленно, чтобы не попасть в одну из них.

– Они вместе. – Сажерук откинулся на сиденье и подставил Гвину свои пальцы, которые тот с удовольствием принялся грызть. – Каприкорн вознаграждает каждого, кто придумает новую историю. Единственный, кто не участвует в этой игре, – Баста, потому что он так суеверен, что обходит стороной всех черных кошек.

Баста. Мегги уже слышала это имя, но не успела расспросить о нем Сажерука. И он с удовольствием продолжал свой рассказ:

– А! Чуть не забыл! У всех, кто живет в этой проклятой деревне, конечно, дурной глаз, даже у женщин.

– Дурной глаз? – Мегги посмотрела на него.

– О да. Одного их взгляда достаточно, чтобы сделать человека смертельно больным. И уже через три дня он умирает.

– И кто во все это верит? – спросила Мегги.

– Дураки, – сказала Элинон и снова нажала на тормоза.

Машина заскользила по щебенке. Перед ними был мост, о котором говорил Сажерук. Серые камни бледно мерцали в свете фар, а пропасть внизу казалась бездонной.

– Вперед, вперед! – нетерпеливо выкрикнул Сажерук. – Он выдержит, даже если вам так не кажется!

– Он выглядит так, будто построен еще древними римлянами, – пробурчала Элинон. – И явно для ослов, а не для машин.

Мегги зажмурила глаза и открыла их только тогда, когда услышала, как под колесами снова захрустела щебенка.

– Каприкорн очень ценит этот мост, – тихо сказал Сажерук. – Ни одному вооруженному человеку не удастся пройти по нему незамеченным. Но, к счастью, сегодня ночью его никто не охраняет.

– Сажерук... – Мегги нерешительно повернулась к нему, в то время как автомобиль Элинон взбирался на последний холм. – А что нам сказать, если нас спросят, как мы нашли дорогу в эту деревню? Наверняка Каприкорну не понравится, что ты показал нам туда дорогу.

– Ты права, – сказал Сажерук, не глядя на Мегги. – Хотя, в конце концов, мы привезем ему книгу.

Он поймал Гвина и заманил его куском хлеба в рюкзак. Как только стемнело, куница стала вести себя беспокойно – она хотела отправиться на охоту.

Когда они достигли гребня холма, мир вокруг них в мгновение растворился в ночи, но неподалеку виднелось несколько бледных четырехугольников – освещенных окон.

– Вот она, – сказал Сажерук, – деревня Каприкорна. Или, если хотите, деревня дьявола.

Он тихонько засмеялся.

– Эти истории, кажется, вам очень нравятся, – раздраженно сказала Элинон. – Кто знает, может быть, вы их сами придумали, а этот Каприкорн не кто иной, как коллекционер книг.

Сажерук промолчал. Он смотрел в окно, улыбаясь своей загадочной улыбкой, которую Мегги с большим удовольствием стерла бы с его губ, и на этот раз она выражала только одно: «Как же вы обе глупы!»

Элинор выключила мотор, и тишина, окружившая их, была поистине абсолютной, так что Мегги не осмеливалась вздохнуть. Она взглянула на освещенные окна. Прежде ей всегда казалось, что свет в окне зовет и приглашает внутрь, но этот свет был более зловещим, чем темнота вокруг.

– А в этой деревне есть какие-нибудь нормальные жители? – спросила Элинор. – Безобидные бабульки, дети, мужчины, которые не имеют ничего общего с Каприкорном...

– Нет, там живут только Каприкорн и его люди, – прошептал Сажерук, – и женщины, которые для них готовят, убирают и делают все, что они потребуют.

– Все, что они потребуют... Здорово! – фыркнула от отвращения Элинор. – Этот Каприкорн нравится мне все больше и больше. Ну, хорошо, давайте покончим с этим. Я хочу домой к своим книгам, хочу нормального освещения и чашку кофе.

– Неужели? Я думал, вы мечтаете о приключении!

«Если бы Гвин мог говорить, – подумала Мегги, – то у него был бы голос Сажерука».

– Я бы чувствовала себя лучше, если бы светило солнце, – резко возразила ему Элинор. – Господи, как я ненавижу эту тьму, но если мы здесь задержимся, то мои книги покроются плесенью, и даже Мортимер им не поможет. Мегги, пойдй принеси сверток. Ты знаешь, о чем я.

Мегги кивнула и только хотела открыть дверь, как ее ослепил яркий свет. Кто-то стоял у двери водителя – лицо невозможно было рассмотреть – и освещал машину фонарем, а потом стукнул им со всего размаха по лобовому стеклу.

От испуга Элинор так вздрогнула, что ударилась коленом о руль, но тут же пришла в себя. Сыпя проклятиями и потирая болевшую ногу, она открыла окно.

– Что все это значит? – крикнула она незнакомцу. – Вы что, хотите нас напугать до смерти? Не бойтесь, что в такой крошечной тьме на вас наедут?

Вместо ответа незнакомец просунул в окно ствол ружья.

– Здесь частное угодье! – сказал он, и Мегги показалось, что она узнала кошачий голос из библиотеки Элинор. – А вы не бойтесь, что вас могут пристрелить за вторжение в частные владения?

– Я сейчас все объясню! – произнес Сажерук.

– Вы только посмотрите – Сажерук! – Незнакомец убрал ружье. – Какого черта ты заявляешься сюда посреди ночи?

Элинор обернулась и с недоверием посмотрела на Сажерука.

– Я и не знала, что вы находитесь на дружеской ноге с этими дьяволами! – изумленно сказала она.

Но Сажерук уже вышел из машины. Мегги тоже показалось странным, что эти двое так дружелюбно шептались. Она вспомнила о том, что рассказал ей Сажерук о людях Каприкорна. Как после тех слов он мог разговаривать с одним из них? Как ни напрягала Мегги слух, она не услышала, о чем они говорили, но уловила, что Сажерук назвал незнакомца Бастой.

– Это мне совсем не нравится! – прошептала Элинор. – Посмотри на них – общаются так, словно наш друг спичкоглотатель здесь свой человек!

– Вероятно, он знает, что они ничего ему не сделают, потому что мы везем книгу! – прошептала Мегги.

У незнакомца было две овчарки. Они обнюхали Сажерука и уткнулись в него своими мордами, виляя хвостами.

– Смотри! – прошептала Элинор. – Даже для проклятых собак он свой. Что, если...

Тут Баста внезапно открыл дверцу водителя.

– Выходите, – приказал он.

Элино́р спустила ноги из машины, Мегги вышла и встала рядом с ней. Она еще никогда не видела человека с оружием. Сердце готово было вырваться у нее из груди.

– Слушайте, мне вовсе не нравится ваш тон! – набросилась на Басту Элино́р. – Наша поездка была очень изнурительной, и мы приехали в эту глушь, чтобы отдать вашему шефу, или боссу, или как там вы его называете, то, что он мечтает получить, поэтому ведите себя подобающе.

Баста бросил в ее сторону такой пренебрежительный взгляд, что Элино́р тяжело вздохнула, а Мегги непроизвольно сжала пальцы в кулак.

– Откуда ты ее взял? – спросил Баста и снова повернулся к Сажеруку, который стоял с таким безучастным видом, как будто все происходившее его вовсе не касалось.

– Ей принадлежит дом, ну, ты же знаешь... – Сажерук говорил тихо, но Мегги слышала, что он говорил: – Я не хотел брать ее с собой, но она упряма.

– Могу себе представить! – Баста еще раз посмотрел на Элино́р и перевел взгляд на Мегги. – А это никак дочурка Волшебного Языка, да? Не очень-то она на него похожа.

– Где мой отец? – спросила Мегги. – Что с ним?

Она произнесла эти слова так хрипло, будто давно ничего не говорила.

– О, у него все хорошо, – ответил Баста, глядя на Сажерука. – Хотя его можно вполне назвать Свинцовым Языком – так мало он говорит.

Мегги прикусила себе губы.

– Мы хотим его забрать, – сказала она. На этот раз она говорила высоким, но слабым голосом, хотя старалась говорить в манере взрослых. – Книга у нас, но Каприкорн получит ее только тогда, когда выпустит моего отца на свободу.

Баста снова повернулся к Сажеруку:

– Она почему-то напоминает мне своего отца. Посмотри, как шевелит губами, да и взгляд. Да, родство налицо.

Он говорил веселым голосом, но выражение его лица было совсем другим, когда он посмотрел на Мегги. У него было узкое лицо с грубыми чертами, он то и дело щурил близко посаженные глаза, как будто так мог лучше видеть.

Баста не отличался высоким ростом, плечи его были не шире мальчишеских, тем не менее у Мегги перехватило дыхание, когда он сделал шаг в ее сторону. Она еще никогда никого так не боялась, и причиной этому было вовсе не ружье в его руках – в нем самом было что-то злое, яростное...

– Мегги, возьми сверток из багажника. – Элино́р прикрыла собой Мегги, как только Баста попытался задержать ее. – В нем нет ничего опасного! – раздраженно сказала она. – Только то, из-за чего мы сюда приехали.

Баста подтянул к себе собак, сильно дернув за поводки, и собаки взвизгнули.

– Мегги, послушай меня! – прошептала Элино́р, когда они оставили машину и отправились следом за Бастой по обрывистой тропе, ведущей к домам. – Отдавай книгу только тогда, когда они приведут к нам твоего отца, поняла?

Мегги кивнула и крепко прижала к груди целлофановый пакет с книгой. За кого Элино́р ее принимала? С другой стороны, как можно не выпустить книгу из рук, если Баста станет вырывать ее? Но эту мысль Мегги решила оставить...

Ночь стояла душная. Небо над черными холмами было усеяно звездами. Тропа, по которой Баста вел их вниз, была каменистой и такой темной, что Мегги не видела своих ног, но каждый раз, когда она спотыкалась, ее ловила за руку то Элино́р, шедшая рядом, то Сажерук, следовавший за ней словно тень. Гвин сидел у него в рюкзаке, и собаки Басты чуяли запах зверя.

Над старыми домами из серого, грубо отесанного камня вздымалась колокольня. Многие дома пустовали. Улочки были такими узкими, что Мегги, казалось, не хватало воздуха, так трудно стало дышать. У некоторых домов не было крыши, от других остались лишь полуобвалившиеся стены. В деревне Каприкорна горело только несколько фонарей, которые свисали с арок, перекрывавших улочки. Наконец они пришли на узкую площадь. На одной стороне площади высилась колокольня, которую Мегги заметила издалека, а рядом с ней находился двухэтажный дом, в котором не было ничего примечательного. Площадь освещалась лучше, чем вся деревня, – сразу четыре фонаря рисовали зловещие тени на мостовой.

Баста подвел их к большому дому, в котором из трех окон на втором этаже лился свет. Был ли там Мо? Мегги прислушивалась к каждому шороху, пытаясь найти ответ, но единственное, о чем рассказали ей удары ее сердца, был страх. Страх и волнение.

Выполненное задание

– Да нет никакого смысла его искать, – прорычал бобер.

– Это еще что значит? – спросила Сузи. – Он же не может уйти далеко! Мы должны найти его! Почему вы утверждаете, что нет смысла его искать?

– Потому что совершенно ясно, где он, – ответил бобер. – Разве вы не понимаете? Он же к ней пошел, к Белой Колдунье. И он нас предал!

К. С. Льюис. Хроники Нарнии

Мегги сотню раз рисовала себе лицо Каприкорна, с того времени, как Сажерук впервые рассказал о нем: и по дороге к дому Элинор, когда Мо сидел с ней рядом, и в той огромной кровати, и, наконец, по дороге сюда. Сто, да что там – тысячу раз пыталась она представить его себе, призывая в помощники всех злодеев, которые встречались ей в любимых книгах: Крюка, горбоносого и тощего, долговязого Джона Сильвера, вечно с притворной улыбкой на губах, индейца Джо с его ножом и сальными черными волосами, которого она столько раз встречала в плохих снах...

Но Каприкорн выглядел совсем иначе.

Мегги быстро сдалась, считая двери, мимо которых они проходили, пока Баста не остановился перед одной из них, но она подсчитала всех мужчин, одетых в черное. Их было четверо, они топтались в коридоре со скучающими лицами. Рядом с каждым к стене, выкрашенной белой известкой, было прислонено ружье. В облегающих черных костюмах они были похожи на грачей на пашне. Один Баста был в белой рубашке – белоснежной, как сказал бы Сажерук, а к воротнику его куртки, словно предупреждение, был приколот красный цветок.

Таким же красным был домашний халат Каприкорна. Он сидел в кресле, когда вошел Баста с тремя ночными посетителями, а перед ним на коленях стояла женщина и подстригала ему ногти на ногах. Кресло казалось для него слишком маленьким. Каприкорн был высокий, выглядел он изможденным: кожа как будто слишком туго обтягивала его кости, и она была бледнее листа неисписанной бумаги, а на голове – короткий ежик волос. Мегги не могла сказать, седые они или светлые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.